М. В. ВИТОВ

ПРИЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ КАРТ ПОСЕЛЕНИЙ XV—XVII вв. ПО ДАННЫМ ПИСЦОВЫХ И ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ

(На примере Шунгского погоста Обонежской пятины)

Писцовые и переписные книги — замечательный историко-экономический источник. В настоящее время это уже не подвергается сомнению. Однако данные этого источника еще недостаточно используются, в частности этнографами и географами, а возможности, которые открывают писцовые, переписные, дозорные и прочие книги перед исторической этнографией и исторической географией, разнообразны и велики.

Писцовые книги представляют собою правительственные статистические документы [1], преследовавшие цель подробного хозяйственного описания страны для организации податного обложения тяглого населения. Древнейшие из сохранившихся писцовых книг датируются концом XV ст. — важным переломным моментом в истории Русского государства. С середины XVII ст. писцовые книги заменяются переписными, в центре внимания которых не столько хозяйственное описание, сколько перепись дворов с их населением.

Изучение писцовых и переписных книг привело к созданию большой историко-экономической литературы. Общая оценка писцовых книг, как исторического источника, не входит сейчас в наши задачи, хотя до сих пор мы еще не располагаем исчерпывающей теоретической работой по оценке писцовых и переписных

[1] Я оставляю в стороне вопрос об особых, так называемых вотчинных писцовых книгах (см. об этом: Б. Д. Греков. Что такое обжа? Изв. АН СССР, 1926) и говорю в дальнейшем лишь о правительственных описаниях; подавляющее большинство сохранившихся писцовых книг относится к этому разряду.

книг, как научного источника. Несомненно, однако, что, несмотря на достоинство писцовых книг для сведений массового порядка, как и всякий другой источник, книги эти требуют критического к себе отношения. Историки, исследовавшие этот вопрос, пришли к выводу, что данные писцовых книг не могут восприниматься как совершенно объективное и точное отражение обстановки XV—XVII вв.

Писцовые и переписные книги отражают совершенно определенные классовые интересы, являясь инструментом налоговой политики, но, давая массовый, систематизированный, хронологически однородный материал, они позволяют перейти к совершенно новым приемам обработки этого материала по сравнению с разного рода актами, хронологически разрозненными и территориально не связанными друг с другом.

Настоящая статья имеет целью рассмотреть одну из возможностей использования писцовых книг, как научного источника, а именно возможность использования их для составления карт поселений XV—XVII вв. на примере одного северного района.

На основании других источников, таких, как «Книга Большему чертежу», «Список русских городов дальних и ближних», нельзя составить такие подробные детальные карты: источники эти перечисляют в основном крупные поселения городского типа.

Документы архивов больших монастырей, обычно рисующие картину систематической мобилизации окрестных земель, тоже вряд ли могут служить самостоятельным источником для составления карты, хотя в качестве вспомогательного и проверочного материала представляют огромную ценность.

* * *

Выбранный нами район — Шунгский погост — был расположен в северной части Заонежского полуострова. Это один из погостов Заонежской половины Обонежской пятины, расположенной в основном вокруг Онежского озера. В XVII в. бо́льшая часть заонежской половины стала называться «заонежскими погостами» или просто Заонежьем[1]. Попытка восстановить карту поселений XV—XVII вв. была предпринята на примере Шунгского погоста потому, что описание этого погоста сохранилось в большом числе писцовых и переписных книг; это позволяет проследить поселения в динамике, в развитии на протяжении двух с лишним столетий. Кроме того, и это чрезвычайно важно,

[1] В этом смысле мы и пользуемся в дальнейшем этим термином. В настоящее же время Заонежьем называется лишь полуостров в северо-западной части Онежского озера.

описание Шунгского погоста сохранилось в древнейшей писцовой книге 1496 г.

В течение двух с лишним столетий, с конца XV до конца XVII в. Заонежье не раз описывалось писцами. Первоначально Иван III дал обещание новгородцам не описывать их земель, но вскоре, по тем или другим причинам, нарушил свое обещание. Как только Обонежье вошло в состав Русского централизованного государства, туда, как и в остальные новгородские пятины, были посланы писцы для составления описания и упорядочения обложения, которое нужно было установить после конфискации боярских вотчин. Это было так называемое «старое письмо», которое иногда упоминается в последующих переписях и актах. «Старое письмо» до нас не дошло, но итоговые данные по четырем погостам приводятся в следующей книге 1496 г., когда Обонежская пятина описывалась писцом Юрием Константиновичем Сабуровым. Описание это является древнейшим писцовым документом по Обонежской пятине. Сохранилось оно в незначительном отрывке: описаны всего восемь неполных погостов, из которых к узкой территории Заонежья относятся четыре: Шунгский, Вытегорский (не полностью), Оштинский и Веницкий.

Следует отметить, что описание Шунгского погоста сохранилось не в подлиннике, а в копии XVII в.

Копия эта представляет собою извлечение из писцовой книги Юрия Сабурова, сделанное для Тихвинского монастыря, который был пожалован в XVII в. Шунгским погостом и, видимо, затребовал соответствующие выписки.

Сабуровская книга была опубликована в 1930 г. в Ленинграде Археографической комиссией[1].

Следующая[2], сохранившаяся писцовая книга принадлежит

---

[1] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Ленинград, 1930.

[2] Большинство писцовых и переписных книг Обонежья до нас не дошло. Приведу список — возможно, неполный — не сохранившихся описаний. Это — «старое письмо», проводившееся вскоре после присоединения к Москве; описание 1545 г. Гаврила Муранова и подьячего Ивана Алексеева (АЭ, I, стр. 185);

1556 г. — Григория Бухарина (ДАИ, I, стр. 82);

1577 г. — Михаила Волкова и Федора Фатьянова (АИ, I, стр. 301);

1583—1584 гг. — князя Василия Звенигородского (частично) (см. К. Петров. Составители писцовых книг. Обонежской пятины, Памятн. кн. по Олонецкой губ. 1868—1869 гг., ч. III, стр. 117);

1584—1585 гг. — Описание Леонтия Аксанова с товарищи (К. А. Неволин «О пятинах и погостах Новгородских», СПб., 1853, стр. 17);

1585—1586 гг. — Афанасия Жеребятичева с товарищи (там же);

1588—1589 гг. — Василия Волынского с товарищи (там же);

Памятн. кн. Олонецкой губ. 1868—1869 гг.

1601 г. — Василия Заденского и Полиники Аникеева. Описание доку-

писцу Андрею Лихачеву и Ляпуну Добрынину и относится к 1563 г., т. е. писалась спустя 70 лет. И эта книга дошла до нас не полностью, но все же в значительно лучшем виде. Описаны 18 погостов, из них к Заонежью относится 16, причем первый — Рождественский Олонецкий — без начала и, возможно, с пропусками. Книга опубликована Археографической комиссией в 1930 г. вместе с предыдущим описанием.

За описанием Лихачева следует писцовая книга Андрея Плещеева и Семейки Кузмина, работавших в 1583—1584 гг.[1], т. е. спустя 20 лет. Книга описывает Заонежскую половину Обонежской пятины в понимании конца XVI в. — со включением, кроме собственно Заонежских погостов, погостов по Волхову и по юго-восточному побережью Ладожского озера. Отрывки из этой книги опубликованы К. А. Неволиным в 1853 г. в Петербурге[2], однако, издание это далеко не полное, и для настоящей работы совершенно непригодное. Автор публикации приводит полное описание погоста-места, т. е. церкви и домов, с указанием владельцев дворов, но, что касается данных о самом сельском населении погоста, то Неволин не публикует никаких сведений, сообщаемых писцовой книгой, за исключением названий деревень (нет численности дворов по деревням, не указаны личные имена дворохозяев, размеры запашки и обложения).

Следующие сохранившиеся книги не опубликованы. Это писцовая книга 1616—1617 гг. Петра Воейкова и дьяка Ивана

ментов и бумаг, хранящихся в Моск. архиве Мин. юстиции, т. I, стр. 175.

1613—1614 гг. — Тимофея Свиблова (К. Петров. Указ. соч., 1869, стр. 118);

1614—1615 гг. — Сутормы Коротнева и подьячего Посника Дементьева (К. Петров, стр. 118);

1620—1622 гг. — Ивана Воейкова и дьяка Третьяка Копнина (ДАИ, VIII, № 40);

1628—1629 гг. — князя Ивана Михайловича Долгорукова и Посника Ракова (по части Заонежских погостов. Выдержка опубл. в Олонецк. губ. вед., часть неофиц. 1850 — № 12—47, 1851 — № 1—2);

1657 г. — Ивана Дивова (ДАИ, VI, № 56);

1658—1659 гг. — Сергея Малово и подьячего Дружинки Протопопова (ДАИ, VI, № 56, стр. 229).

Не сохранилось имен переписчиков, описывавших Заонежье в 1564, 1571 и 1630 гг. (Акты исторические, т. V, № 151, стр. 257). Нельзя также установить датировку не сохранившихся описаний Григория Волосатого, Пожарского, Федора Калитина и др., о деятельности которых есть замечания в известных нам писцовых книгах или в актах.

[1] ЦГАДА. Писц. кн. по Новгороду, 963.

[2] К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853, прил. VI.

Лговского[1] и дозорная книга 1619—1620 гг., письма М. Лыкова и Я. Гневашева[2].

Затем следует писцовая книга Никиты Панина и Семена Копылова[3], относящихся к 1628—1629 гг., и писцовая книга князя Ивана Михайловича Долгорукова и Посника Ракова, датируемая примерно тем же временем (1627—1629 гг.).

Эти две книги дополняют одна другую и составляют, по существу, одно описание: одну часть Заонежских погостов описал Панин, а другую — Долгоруков. Незначительные выдержки из книг Панина и Долгорукова были опубликованы в 1849, 1850, 1851 гг. в Олонецких губернских ведомостях[4]; однако издание представляет собою лишь ряд извлечений из памятников и к тому же стало большой редкостью. Самая же книга Долгорукова, повидимому, утеряна.

Следующие книги, относящиеся к первой половине XVII в., принадлежат к разряду переписных и, так же как и предыдущие, дополняют одна другую. Это книга 1646—1647 гг. И. Писемского и Я. Ефимова по одной части Заонежья[5] и книга 1647 г. Л. Сумина и Я. Ефимова — по другой[6].

В Центральном государственном архиве древних актов в фонде Ревизских сказок я обнаружил еще одну переписную книгу, видимо, по ошибке туда занесенную. Существование этой книги, кажется, не было известно. Во всяком случае, исследователь Поморья XVII в. М. М. Богословский и новейшая исследовательница Заонежья XVII в. Р. Б. Мюллер, приводя список писцовых и переписных книг по Заонежью за XVI и XVII вв., ее не упоминают[7].

Книга переписная, без начала и без конца, текст хорошей сохранности. В Архиве она датирована концом XVII в. Более точную датировку позволяет установить имя царя Федора Алексеевича, в чье царствование производилась перепись (1661—1682 гг.), а главное, — указаны переписчики. Это стольники Иван Александрович и Иван Никифорович Аничковы да

---

[1] ЦГАДА. Писц. кн. по Новгороду, 743.
[2] Там же, 979.
[3] Там же, 308.
[4] Писц. кн. Панина и Копылова. Олонецкие губернские ведомости, № 1—7, 1849, часть неофиц.
Писц. кн. Долгорукова и Ракова. Олонецкие губернские ведомости, № 12—47, часть неофиц., 1850 и 1851 гг., № 1—2.
[5] ЦГАДА. Писц. кн. по Новгороду, 980, лл. 1—375.
[6] Там же, лл. 375 об.—577.
[7] Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947.

подьячий Иван Венюков[1]. А в Актах исторических[2] — в «грамоте Новгородскому митрополиту Корнилию и олонецким воеводам князю Василию Долгорукову и Ивану Ловчинову об завладении поморскими раскольниками Палеостровским монастырем и принятии мер к прекращению распространения их в тамошнем крае» находим датировку переписи: «Да в Олонецких переписных книгах, переписи столника Ивана Александрова да Ивана Никифорова сына Аничковых 186 и 187 годов, написано: в том же Шунгском погосте...» и т. д.

Следовательно, последняя перепись датируется 1678—1679 гг. Это подтверждается и тем, что в эти годы производились переписи не в одном Заонежье, а также тем, что в тексте книги не встречается более поздних дат, чем 1678 г. (описание переходов в другие погосты, смерти и пр., например: л. 328—1676 г., там же — 1677 г., л. 1 — 1678 г., л. 4 об. — 1669 г., л. 10 — 1677 г., л. 11 — 1664 г., л. 131 — 1674 г. и т. д.).

Таким образом, с конца XV до конца XVII в. сохранилось восемь описаний Заонежья. К сожалению, в последней переписной книге Шунгский погост описан не полностью.

Поставим теперь вопрос о писцовых и переписных книгах, как источнике для изучения поселений. Если по ряду вопросов, интересующих историков народного хозяйства, писцовые книги и не являются достаточно надежным источником, то в отношении проблемы развития поселений дело обстоит более благоприятно. Прежде всего для нашей темы писцовые и переписные книги дают полный, или почти полный список поселений. Я говорю — почти, учитывая известные недостатки писцового дела — доверие писцов к «сказкам», представляемым населением, стремление крестьян укрыться от обложения, лихоимство отдельных писцов. Все это особенно усугублялось природными особенностями русского Севера; мелкие селения были распылены и удалены одно от другого, а некоторые почти недоступны из-за огромных болот, черных дремучих лесов, непогоды на больших озерах и плохого состояния тележных дорог. На все это постоянно жалуются командированные в Поморье чиновники. «В летнее, государь, время из многих волостей конского проезду не живет за безмерными болотами», — писал в Москву дворянин Микулин об одной из областей Поморья[3]. Все же, несмотря на ошибки и описки, происходящие как по вине писцов и переписчиков, так и по вине информаторов, названия поселений иска-

[1] Ревизск. сказки по Новгороду, № 2541, л. 426 об.
[2] АИ, т. V, № 151, стр. 257.
[3] Пр. Д. 1646 № 52. М. М. Богословский. «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.». Т. I, М., 1909, стр. 35.

жаются большей частью не так уж сильно. Правда, существуют различные варианты одних и тех же названий, вроде Хоймогуба и Фоймогуба, Гаккукса и Ваккукса и т. д. Установить тождество названий поселений по разным писцовым книгам порою бывает трудно.

Трудности бывают и при сличении разных написаний какого-нибудь поселения в одной и той же книге. Например, в Никольском погосте на Андоме половина общей деревни названа «на Клековой горе», а другая «на Кленовой горе». В данном случае тождественность поселений устанавливается сличением субъектов владения, вернее — совладения.

Очень часто книги дают старое сохранившееся, как официальное, и новое название поселения — «деревня на Сямени ж словет Лукинская» [1], «дер. на Сямени же противу Городища словет Быковская» [2], «дер. на низу Олонца, а ныне словет Паткуево» [3], «дер. на низу Олонца Заречье, а ныне словет Маклаково» [4].

Попытке проследить одно и то же поселение по различным писцовым и переписным книгам, может иногда помешать самое неожиданное обстоятельство. Имеются указания на то, что писцы иногда произвольно меняли названия поселений, то ли потому, что они приходились им не по вкусу, то ли руководствуясь какими-либо иными соображениями. Так, сохранилось предание [5], что писец Панин, описывая в 1628—1629 гг. северную часть Заонежских погостов, вздумал переименовать деревни. Проверка этого предания сличением топонимики в писцовой книге Панина с предшествующими работами показывает, что предание это — в основном — плод народной фантазии, пытающейся осмыслить непонятные наименования поселений. Например, название селения Потановщина, которое существовало и до Панинского письма, и имеется в книге Лихачева, предание приписывает Панину и производит от женского имени Таня, которую будто бы повстречал писец. Неправдоподобность рассказа подтверждается и тем, что многие толкования весьма натянуты (деревня Насоновщина происходит якобы от человека по имени Софрон), и тем еще, что Панину приписывается употребление чисто местных поморских слов для названия поселений, таких, как «корба» (берестяная коробка), «куй» — (гагара), «ламба» (небольшое озерко, лужа).

---

[1] Писц. кн. Обонежской пятины. Ленинград, 1930, стр. 189.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 57.
[4] Там же.
[5] Е. Барсов. Рассказ о том, как писец Панин давал имена Заонежским деревням в 1628 г. Пам. кн. по Олонецкой губ. 1868—1869, стр. 189.

Гивес-наволок, Вой-наволок и пр., — слов, которые странно услышать в устах представителя центральной власти.

Но, несмотря на все сказанное, возможность переименования поселения писцами не исключена и должна учитываться.

Писцовые книги не только фиксируют подавляющее число поселений, но и указывают также их состав — количество дворов в каждой деревне. Эти данные тоже достовернее тех, которые подверглись наибольшей критике историков-экономистов, но и здесь исследователь наталкивается на трудности. Эти трудности — трех порядков. Во время составления писцовых книг, т. е. с конца XV до середины XVII в. обложение в земледельческих районах производилось по размерам распаханной площади, по величине запашки, с учетом качества земли, имеющейся в распоряжении дворовладельца. Другое дело с переписными книгами. В те времена, когда они составлялись (со второй половины XVII в.) было введено подворное обложение, и тогда же возник новый прием для обмана властей. Два стоящие рядом двора обносились частоколом и выдавались за один двор.

Вторая трудность — недостаточная ясность для нас понятия «деревня» и нечеткость соотношения деревни и двора: «А двор тот был писан деревнею» — характерное сообщение писца.

Наконец, из-за неумения писцов оперировать даже с двухзначными числами проистекают многие ошибки. Подсчеты общего количества дворов по волости очень часто неверны, даже неверны чаще, чем верны. Кроме того, иногда писец заносит в общее число дворов только населенные дворы, иногда — вместе с пустыми, причем не оговаривает этого [1].

---

[1] «Да по приправочным книгам Ивана Беклемишова в той же цареве великого князя Андомские волости. Поч. на Ваноозере Лутьянковской: дв. Микулка Фаустов, сеет ржы пол-четвертки, сена косит 2 коп. Поч. у Николы за полем: дв. Шобуня Дорофеев, дв. Юшко Половников, сеют ржы четверку, сена косят 2 коп. Поч. на Ваноозере пуст. Поч. на Вано ж озере Брутуевский пуст. Поч. на Вано ж озере Кузминской пуст.; в пяти починках четверть обжы. Поч. на Сад-озере: дв. Михалко Шуба, дв. Зенко водлозерец, сеют ржы четку, сена косят 2 коп. Поч. на Матко-озере: дв. Сенка Васильев Рукуля, дв. Омельянко Демидов, дв. Михалко Демидов, дв. Еремейко Фофанов да 5 дворцов пусты, сеют ржы пол-2 четки, сена косят 3 коп., в обеих починках четверть обжи, а владеет теми починки князь Семен да князь Александр Кимские из Белоозерщыны. И всего починков, жывущих и пустых 16, а дворов 9, а людей 5 ч.; пол-обжы, пол-трети сохи». (Писц. кн. Обонежской пят., Л., 1930, стр. 199 — кн. Андрея Лихачева. 1563). Бывают такие итоги: «дворов 175, а людей 145», «дворов 24, а людей 11», «дворов 41, а людей 27 ч.», «дворов 55, а людей 38 ч.», очевидно, здесь в общее число дворов включены и пустующие, так как на двор в среднем не приходится и одного человека.

Что касается населения, то оно может быть пересчитано только по переписным книгам. Писцовые книги, как известно, дают лишь имена дворовладельцев, глав семей. Например, если мы читаем в писцовой книге Юрия Сабурова[1], что в деревне на берегу на Путке двор, а в нем живут Васко да Максимко Семеновы, то надо понимать, что Васка да Максимко живут не вдвоем, а с семьями — женами и детьми. Читаем дальше: «Дер. в той же губе Онежане: во дворе Ивашко, да Фетка, да Паршук, да Савко Ивашковы дети, да Мосейко, да Васко, Фетковы дети. . .» Здесь мы имеем дело с семейной общиной, и у Ивашки могут быть не только внуки, а и правнуки, дети Мосейки да Васки, потому что они записаны в книгу как главы семейств. Предположение, что перечисляется все мужское население, и женатое и не женатое, отпадает, так как «дети» упомянуты редко.

Первый опыт составления карты поселений по новгородским писцовым книгам проделал в 1914 г. А. М. Андрияшев[2]. Им составлена карта Шелонской пятины XVI в., причем на одну и ту же карту наносились поселения различных писцовых книг[3], так как основной источник, писцовая книга М. И. Валуева (1498 г.) и некоторые другие книги начала XVI в. сохранились лишь в отрывках.

Прием нанесения данных нескольких книг на одну карту чреват неприятными последствиями. А именно — не исключена возможность того, что одни и те же поселения, изменившие со временем свои названия, попадут на карту дважды, если тождество их не будет подкрепляться достаточно вескими основаниями (близость названий, одинаковое обежное обложение и т. п.). Такую возможность допускает и сам автор[4]. А так как случаи изменения названий поселений встречаются чрезвычайно часто, прием сведéния на одну карту поселений из разных описаний нельзя считать удовлетворительным.

Однако основная причина, побудившая нас наносить на карту данные каждой писцовой книги в отдельности, заключается в той задаче, которую мы себе ставили: проследить развитие поселений и дать динамически ряд карт одного и того же района.

---

[1] Писц. кн. Обонежской пятины, стр. 1.

[2] Были еще более ранние работы: арх. Сергий. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года, 1905; и Н. Н. Нордман. Географическое положение погостов-округов Шелонской пятины по писцовым оброчным книгам 1498 г. Известия Русск. географического об-ва, т. XLIV, вып. 8. СПб., 1908. Однако большой ценности для нашей темы эти работы не представляют.

[3] А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914, стр. XI—XVII.

[4] Там же, стр. XL.

Нами составлено 8 карт, охватывающих время с конца XV в. до начала XVIII в. (за 1496, 1563, 1583, 1620, 1628, 1647, 1718 и 1720 гг.).

Составлению карт предшествовало составление списков поселений и кропотливое сличение их по всем пригодным для этой цели источникам. Это писцовая книга Ю. Сабурова — 1496 г.; писцовая книга А. Лихачева — 1563 г.; писцовая книга А. Плещеева — 1582—1583 гг.; дозорная книга М. Лыкова — 1619—1620 гг.; писцовая книга Н. Панина — 1628 г.; переписная книга И. Писемского — 1647 г.; отрывок, описывающий Фоймогубскую волость Шунгского погоста И. А. и И. Н. Аничковых — 1678 г.; отчет ген. М. Матюшкина — 1718 г.; и 1-я ревизия — 1720 г.

Составленные по этим документам списки были сличены, т. е. было установлено тождество большинства поселений по всем спискам, и списки сведены в одну таблицу.

Исходным материалом для наших карт послужили документы Генерального межевания: карты и экономические примечания к ним [1]. По ним были составлены немые карты. Работа заключалась в поисках на карте Генерального межевания селений из писцовых книг и в переносе их на соответствующие немые карты.

Разрыв более чем в одно столетие между концом XVIII в. (1778), когда проводилось Генеральное межевание, и серединой XVII в., от которого дошла последняя переписная книга по Шунгскому погосту, очень велик (переписная Аничковых описывает лишь Фоймогубскую волость, так как, за исключением этой волости, весь Шунгский погост попал во владение Тихвинского монастыря). Подавляющее число старых поселений было переименовано или исчезло совсем. Этот разрыв частично восполнен данными из первой ревизии, имевшей место в 20-х годах XVIII в., и еще одним документом несколько более раннего времени — отчетом генерал-майора Матюшкина о переписи селений, которую он осуществил во время своей поездки по Олонецкому краю и дальше на север.

Карты, составленные по ревизским сказкам 1720 г. и отчету Матюшкина 1718 г., служат как бы трамплином в XVII в. Карты по ревизии и Матюшкину составлены без особенных затруднений, найдены почти все поселения. Зато разрыв между ними и последней переписной книгой (Писемского) чрезвычайно велик. Дело здесь даже не только в шестидесятилетнем промежутке времени между этими описаниями. Мне еще придется говорить о том, что поселения часто носили два названия, официальное

[1] ЦГАДА, фонд № 33. Карты Генерального межевания, № 67. Генеральный уездный план Повенецкого уезда, 1788 г. В качестве подсобного материала для сверки были использованы атласы по тому же уезду.

и местное, и что последнее название могло и не попадать в писцовые и переписные книги. Можно представить себе возникновение этого расхождения так: выезжая на место для составления описания, писец брал с собой предыдущее «письмо», называвшееся «приправочным»; наталкиваясь на постоянные изменения названий, которые происходили за время между двумя описаниями, писцы, однако, не были склонны следовать им и вносить путаницу при обежном обложении. В лучшем случае писец приписывал, что деревня «словет» иначе.

Генерал-майор Матюшкин ездил в Обонежье с иными целями; поездка его была связана с предполагавшимися мирными переговорами с Швецией. Вероятно, Матюшкин и не имел под рукой писцовых или переписных книг времен Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Он не облагал крестьян налогами, а описывал селения и расстояния между ними, чего, конечно, не было в предшествующих описаниях. Таким образом, Матюшкин вносил в свою опись реальные названия поселений, значительная часть которых сложилась уже давно, но не была внесена в описания. Удалось, в частности, подметить относящуюся к этому очень любопытную деталь, которая помогла восстановить не одну деревню писцовых книг. Названия деревень XVIII в. часто происходят от имен крестьян, живших там в середине XVI в. Особенно много таких имен и прозвищ, перешедших со временем в названия деревень, в книге А. Лихачева. Естественно, возникает недоумение, почему поселение, называвшееся одним названием, неожиданно получает новое, по имени человека, жившего полтора столетия тому назад? Кажется, только с помощью высказанной догадки о существовании местных названий и можно это объяснить.

Изменчивость названий является, таким образом, основной помехой при нанесении поселений. О других трудностях (искажение писцами названий, особенно нерусских, неполнота списков и пр.) я уже говорил.

Понятно, что вследствие всего этого не всегда можно добиться точного нанесения на карту всех или почти всех селений. Вот что писал об этом составитель карты по Шелонской пятине А. М. Андрияшев[1]: «Исследование всех деталей карты приводит, однако, к убеждению, что строгие требования картографии к историко-географическим работам по писцовым книгам вообще не приложимы...»

Да и сама исходная карта (Генерального межевания) содержит ошибки в нанесении побережий, озер, рек, поселений и т. п.

---

[1] А. М. Андрияшев. Указ. соч., стр. XLII.

Кроме того, за полтора-два столетия происходят иногда значительные изменения в географии края: озера превращаются в болота, болота высыхают совсем, реки меняют русла. Путешествуя по Заонежью в 1953 г., автор имел возможность лично убедиться в ошибках составителей карты Генерального межевания. Тем не менее несомненная польза такой карты заставляет пренебречь всеми перечисленными недостатками.

Теперь о конкретных приемах установления тождества поселений. Некоторые поселения прослеживались по всем спискам без труда. Например: № 1 Карта Генерального межевания — «Кундусова»; ревизия — «Кулдасова»; Матюшкин — «Кулдусово»; Писемский — «Колдусово»; Плещеев — «Кулдусово»; Лихачев — «Кулдуево»; и Сабуров — «Куздосово».

Подавляющее большинство поселений за время с конца XV в. до составления карты Генерального межевания (1777 г.) изменило свои названия.

Одним из существенных соображений при составлении карты было то, что в условиях Севера (для других областей этот прием, возможно, не применим) положение поселений чрезвычайно устойчиво. Новые поселения чаще возрождаются на пустошах, а не на новых местах. Причина этого: оазисный характер расположения пригодных для обработки участков, затерянных среди болот и лесов; трудности, связанные с новыми расчистками (вырубка леса, корчевка пней, сожжение их, пахота и т. д.). Оговорюсь, что новые расчистки и починки имели место, но это обычно отмечалось особо, так как новосел получал льготу — временное освобождение от налогов. Трудности состояли и в устройстве нового дома и хозяйственных сооружений. Все это приводит к заключению о большом постоянстве если не самих поселений, то их местоположения, как всех пустошей, так и «мест дворовых» и деревень. Поэтому при сомнительной локализации поселений я всегда предпочитал ставить их на пустоши, имеющиеся поблизости от ориентировочных деревень или урочищ. (Например, в списках перечисляются рядом три деревни; на карте же имеются подходящие названия для двух из них, а поблизости нанесена безымянная пустошь. В этом-то месте с известной долей вероятности и приходится помещать оставшееся поселение).

Для точной локализации приходилось прибегать к детальному сличению населения дворов по разным переписям, сопоставляя имена жителей с позднейшими названиями деревень. Например, дер. Тимохова (№ 38). Под этим названием деревня фигурирует на карте Генерального межевания, в ревизии и

у Матюшкина. У Писемского, Панина, Лыкова, Плещеева, Лихачева — «За рекою на Валгоме озерке Мелгуевская»; у Сабурова — «За рекою на Волгоме озере». То, что это одна и та же деревня, с большой степенью вероятности доказывается рассмотрением состава дворов. При Сабурове там жил (во дворе) Ларионик Мелгуев да его дети Ивашко да Тимошка да Васко; при Лихачеве: (во дворе) Игнатко Тимофеев; при Плещееве: (во дворе) Илейка Игнатьев и (во дворе) Мартьянко Игнатьев; при Лыкове: (во дворе) Офонка Игнатьев, (во дворе) Кондратко Тимофеев и (во дворе) Степанко Илин. Таким образом, все это потомки жившего при Лихачеве Тимошки, сына Ларионика Мелгуева (отмеченного у Сабурова). Отсюда, вероятно, — Тимохово, находящееся у Валгома озера.

Другой пример того же рода — деревня Клешево (№ 15). В начале XVIII в. она локализуется быстро: на карте Генерального межевания — Клешево; по ревизии — Клишева; по Матюшкину — Клишова. Дальше я ее отождествляю с деревней, которая называется у Писемского — Лембетово; у Панина — Лем остров; у Лыкова — Лембитова, Илишева тож; у Плещеева, Лихачева и Сабурова — Лембитова. Отождествление основано на втором названии по Лыкову (Илишева соответствует Клишевой, если принять во внимание, что в скорописи буквы «и» и «к» часто не различимы), а также то, что при Лихачеве в Лембитове жил некий Клишко Левонтьев.

Другим примером сличения деревень является изучение порядка их перечисления разными писцами и переписчиками. Дело в том, что, несмотря на наказы, писцы бывали далеко не во всех селениях, а только в некоторых, и ограничивались «сказками» местного населения. Можно даже иногда проследить путь составителя описания, изучив порядок перечисления деревень. Например, известно, что Матюшкин ехал через Шунгский погост с юга на север; действительно, первой описывается Фоймогубская волость — самая южная часть погоста. Начав описание со сравнительно большого селения (Патрово), он затем перечисляет фоймогубские деревни без всякого порядка, то более южные, то северные. Покончив с Фоймогубой, Матюшкин переходит к центральному району погоста (начиная с Нефедова) и тоже перечисляет деревни в полном беспорядке. Затем следует новый скачок и опять беспорядочное перечисление. К тому же Матюшкин дает иногда расстояния в верстах от одной деревни до другой. Цифры эти весьма неточны (особенно для отдаленных селений). Складывается впечатление, что он останавливался в какой-нибудь деревне, а в другие иногда наезжал, иногда же ограничивался расспросами.

Для первых писцовых книг характерно перечисление дворов по боярщинам, а внутри боярщины писец придерживался большей частью территориального принципа, описывая соседние деревни вместе. В связи с этим применялся прием отыскания поселений по порядку их перечисления в списках. Например, в последних описаниях, а также по карте Генерального межевания три деревни (Филина гора, Подгорская и Береская, см. № 98, 99, 100) стоят рядом. Первая и последняя из них без труда прослеживаются вплоть до древнейшей книги, а Подгорскую отыскать не удается. Однако замечаем, что по месту расположения Подгорской соответствует Таквинская Туроносова, которая находится, по Писемскому, Панину, Лыкову и Плещееву, между найденными двумя деревнями. Правда, по двум древним книгам деревни эти перечислены не рядом; как я уже говорил, для этого времени характерен иной принцип перечисления — по боярщинам.

Вариантом этого приема является случай, когда устанавливается тождество целой группы поселений с группой же поселений другого описания. Хотя по отдельности признаки таких деревень, может быть, и не совсем совпадают, но целый ряд этих признаков в сочетании с одинаковым порядком перечисления может оказаться достаточным для локализации.

Существенную помощь для отождествления непохожих по названиям деревень из разных описаний могут оказать цифры обежного обложения, так как они почти никогда не менялись [1].

Например, на карте, в ревизии и у Матюшкина имеется деревня Лахнова (№ 43). Вплоть до Сабурова эта деревня прослеживается легко: Писемский — «Вячевская Вяхново у Валгома озера»; Панин — «Вячевская Вахново у Валгом озера»; Лыков — «Вачевская Лахнова у Валгома озера»; Плещеев — «Вачевская Лахнова у Валгома озера»; Лихачев — «У Валгом озера словет Лахановская на берегу». Но дальше след обрывается: у Сабурова не находится деревни с подходящим названием. Можно было бы предположить, что деревня возникла между описаниями Сабурова и Лихачева, но обычно писцы сообщают в таких случаях, что деревня «встала внове после писцов» или записывают возникшее поселение починком. Найти у Сабурова эту деревню помогает порядок перечня деревень (Лахановской у Лихачева соответствует Волосово у Сабурова), а главное, число обеж: обе деревни обложены в 2 обжи с третью. Оба эти наблюдения, взятые вместе, с моей точки зрения, вполне достаточны для локализации.

[1] А. М. Андрияшев. Указ. соч., стр. XXXIX.

Цифры менялись в тех случаях, когда изменялись размеры участков, приписанных к деревне.

Наконец, положение на карте некоторых поселений определено с помощью, так сказать, ориентиров: указано озеро, река, на которых находятся селения; так определены деревни на Шунгском острову (названия такого впрочем на карте нет, но в Шунгской губе по карте Генерального межевания имеется только один остров, а на нем отмечена пустошь). Бывает сказано также, что поселение расположено близ другого, уже локализованного («у Большого двора на подоле», «у погоста в наволоке»), или — это относится к описанию Матюшкина — даны расстояния в верстах (обычно очень неточные) от погоста или от других деревень.

Как уже говорилось, часть поселений не может быть точно локализована. Встает вопрос: не лучше ли отбросить все спорные случаи и ограничиться достоверно нанесенными селениями? Мне кажется, это было бы неверно. Цель составления настоящих карт заключается не только в том, чтобы установить размещение древних деревень, границы погоста и боярщин, но также и в том, чтобы наглядно представить степень населенности территории, изменения в степени населенности, перемещения населения и прочие демографические процессы. Но, с другой стороны, от смешения достоверно и не достоверно локализованных селений произошла бы путаница. Поэтому, для того чтобы сразу была видна степень достоверности локализации, применено различное изображение населенных мест. Сплошными пунсонами нанесены поселения, определенные на карте довольно точно; пунсонами залитыми наполовину — определенные приблизительно.

Прилагаемые восемь карт идут в обратном хронологическом порядке, т. е. так, как они составлялись, начиная со вспомогательных карт по 1-й ревизии и отчету Матюшкина.

Нанесение всех населенных пунктов одного погоста еще не позволяет провести его границу. Более или менее удовлетворительно нанести границу между смежными погостами можно лишь в том случае, когда нанесены все населенные пункты погостов. Тогда с относительно большей вероятностью можно установить межу, проведя ее посредине между крайними деревнями обоих погостов. У нас, однако, нанесены на карту пока что деревни лишь одного погоста, поэтому способ этот отпадает. Нанести границу погоста помог нам случайный текст, попавший в писцовую книгу. Вообще описания границ погостов в писцовых и переписных книгах встречаются, видимо, крайне редко, так как в этом обычно не было нужды. Границу нужно было определять лишь в экстренных случаях, например, когда жители продавали свой погост боярину[1]. Граница Шунгского погоста была

[1] ГВНП, № 279, стр. 279—280.

зафиксирована в дозорной книге Лыкова[1] благодаря случайному обстоятельству: монастырь, которому был пожалован погост, отмежевывал свои земли.

«...И угодья к тем деревням у Тихвина монастыря в вотчины с ыными околными погосты межи. Николсково Шунсково погоста межа пошла с Падомского верховья с крестового мху. А тут на крестах земля сошлась четырех погостов углом: з западную сторону — Шунсково погоста, а от северика — Толвуйского погоста, ото вьстока до Кузаранского рубежа; и тут межа пошла тристяным мхом водоволоком вверх на гору на тумища. От северика земля поидет Шунского погоста, а от лета — земля Кижсково погоста, а с тумиш межа поидет водоволоком на Конселгу на северной конец. А Конселгой на Кожелселгу на восточной край.

Да с Кожелселги с ужново конца на белой мох, на виловатую ел; а в ней вделан камел[2]. А с виловатой ели на северной конець Кожелселги да к ямкам по старой межи. А та межа есть от северика Шоунской волости и к тем ямкам сошлась межа Шунские волости да Кижской. И от ямок на Римбоозеро, да с Римозера на Немексу, а с Немексы водоволоком на Еловой нос, да с Елового носу на высокие сопки, что стоят во рги[3]. А с сопок на стрестяной мох. А с трестяного моху на Кунко ручей. А Кункоручем вверхь на Кункоозеро, а с Кункоозера водоволоком на седелець; да тут в сосны сваля вросли и камен вделан. А с седелца на глазастой мох, а с глазасто мху водоволоком на верхнее Палоозеро. А с верхнево Палоозера середним бором водоволоком да к каменю к столбцу да от столбца Каменным ручем в Шидроручей падет в Святуху. Да Святухой поидет под лето о берег восточной межа. Вода Николсково Шунсково погоста, а земля от востока — Кижсково погоста. А идет та межа до страдных островов. Да в страдных островах меж островами камен синь выше воды. А на тот камен межа. Да с того камени в ловецкие островы в ужной в малой островок. Да с того островка в Ковкоручей на крестовой запад. Да ручем вверх на Ковкоозеро. Да с Ковкаозера под запад на Космозеро на синий камен на берегу на вьсточной стороны стоит выше воды. Да с тог каменя черес Космозеро поперег под запад на гору на седелце на Каменную гору. А на той горы в соснах и вь ели залазы. Да с седелца на Лег гору поперег земли. А на той горы в соснах и в болшом березе положено каменье. Да с Лег горы на Студенец по северее Калоозера да с Сту[де]нца

[1] ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду, № 379, л. 203—207.
[2] Так в тексте.
[3] Так в тексте.

рекою в Калоозеро. Да с Калоозера под запад на опчей Студенець. А с опчиво Студенца на Твердилов мох. Да с Твердилова мху на Гавгоозеро под северик. Да Гавгоозером по западнему берегу в северной конець. Да с севернова конца под запад до порошка до Мунозерсково. Да от Мунозерьсково порошка поперег земли до Ладмоозера да на Малдын наволок. Да с Малдын наволока через Ладмоозеро на Тютерматку. Да с Тютерьматке Юную гору. Да сь Юной горы в ужной конець Пигмоозера в губу. Да Пигмоозером на великой камен. Да с каменя на Кокорин остров да на Сароручей да на Сароозеро. Да водоволоком в Гангоозеро. Да з Гангоозера по Кадой мху на Кесней наволог. Да с Кесней наволока на Пижселгу на зимник. Да зимником на переи мох. Да по переи мох в Еловой нос. Да на Кийман селгу по зимнику на дыбучей мох. Да наверх Телки. Да с Телки на Мандын наволок. Да с Мандын наволока под запад на Шайдомоозеро. Да с Шайдома озера в северной конець на верхное Униць озеро. Да с верхнево Униць озера на верхнее Кумсоозеро. Да с верхнево Кумсоозера рекою в дол под северик в нижное Кумсоозеро. Да на нижном Кумсоозере остров. Да по ужному концу озера да от острова [поперек?] озера подо всток к ручю на водовоков [лок?] через Кузнецовых пожни. Да по той пожни по водоволоку вверх на Кумсу реку на падун. Да от падуна поперег земли подо всток на Озроозеро на Великой остров. Да с Великоострова через Озроозеро выскос подо вьстог на березовой мох. Да з березово мху на верхнее Вепсоозеро в северной конец. Да с верхнего Вепсоозера водоволоком поперег земли на Долгую селгу. Да з Долгой селги на Витегу. Да с Витеги на верхнее Уконозеро. Да с Уконозера рекою на верхнее Сапицьозеро. Да с Сапиц на озера поперег земли под востог на белой мох. Да з белово мху водоволоком и землею на воиское на водоволок верховье. Да с верховья с воиског водоволоком вниз под лето в Вой реку. И рекою в Онегоозеро...»

Разумеется, трудно провести точную границу по этому документу: указания, которые казались межевщикам XVII в. исчерпывающе точными — на «виловатую ель» или «белый мох», ставит нас перед неразрешимой загадкой. Все же другие показания документа позволили нам, с помощью карты Генерального межевания, провести условную границу. Она может быть уточнена лишь после составления карт смежных погостов.

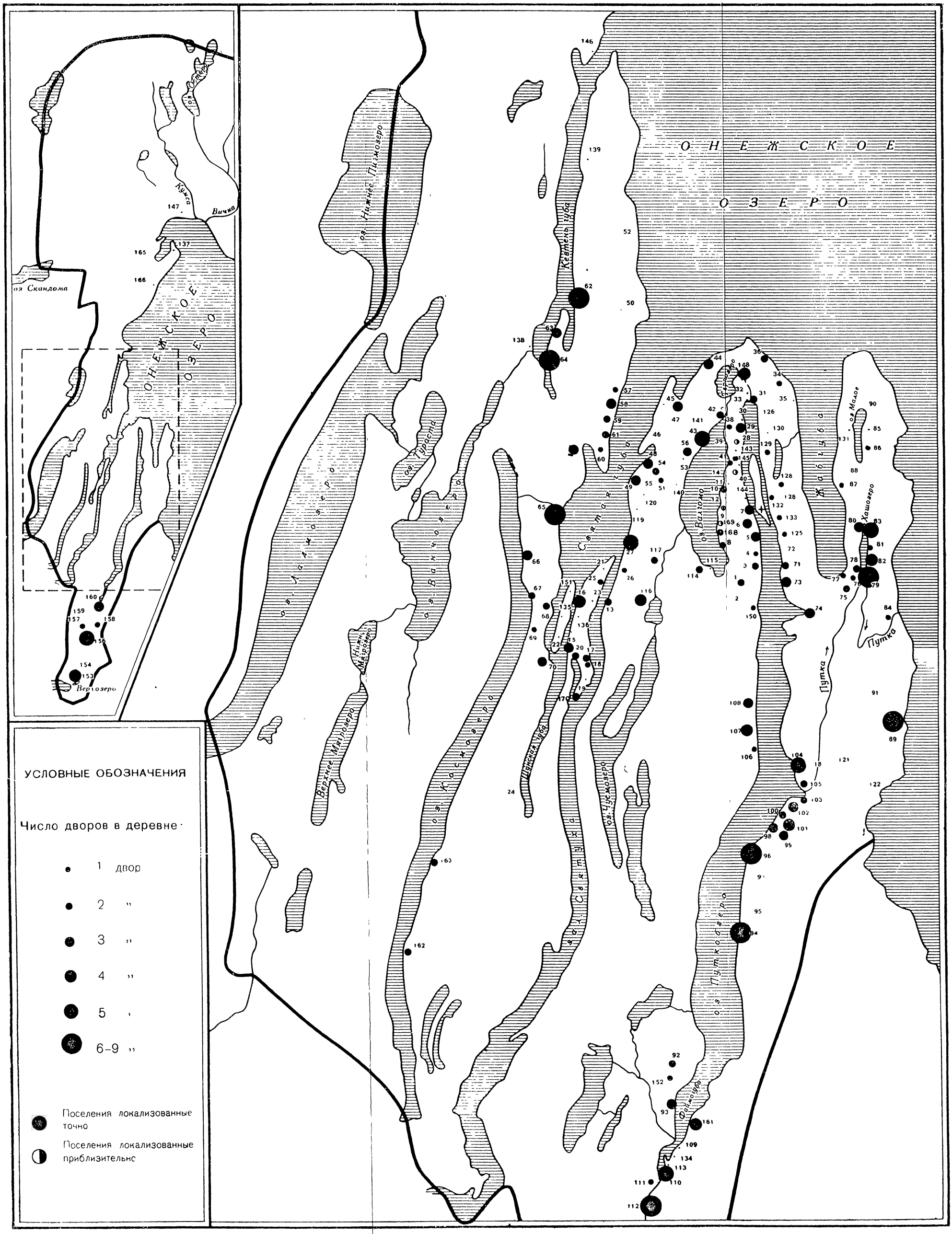
Ниже мы приводим список названий поселений Шунгского погоста. Порядковый номер списка, и соответствующий ему номер на картах, всегда относятся к одной и той же деревне. Как уже отмечалось, поселения часто меняли свои названия, случались и ошибки при описаниях; в списке даются все варианты назва-

ния одной и той же деревни по разным писцовым и переписным книгам. Различные названия одного поселения даны в обратном хронологическом порядке; вначале приводится название на карте Генерального межевания, затем название из ревизии 1720 г. и т. д. В тех случаях, когда названия разных описаний полностью совпадают, они в списке не повторяются. За недостатком места мы не приводим здесь обоснований для отождествления поселений из разных писцовых книг. Площадь пунсона (кружка), обозначающего на картах отдельную деревню, пропорциональна числу дворов в нем. Пустоши, описанные в тексте той или иной книги, обозначаются особым знаком. Наконец, точка с цифрой (не кружок) обозначает то, что данное поселение отсутствует в период, к которому относится данная карта; оно существовало либо раньше, либо возникает в следующие периоды; точки с номерками сохранены лишь по техническим причинам.

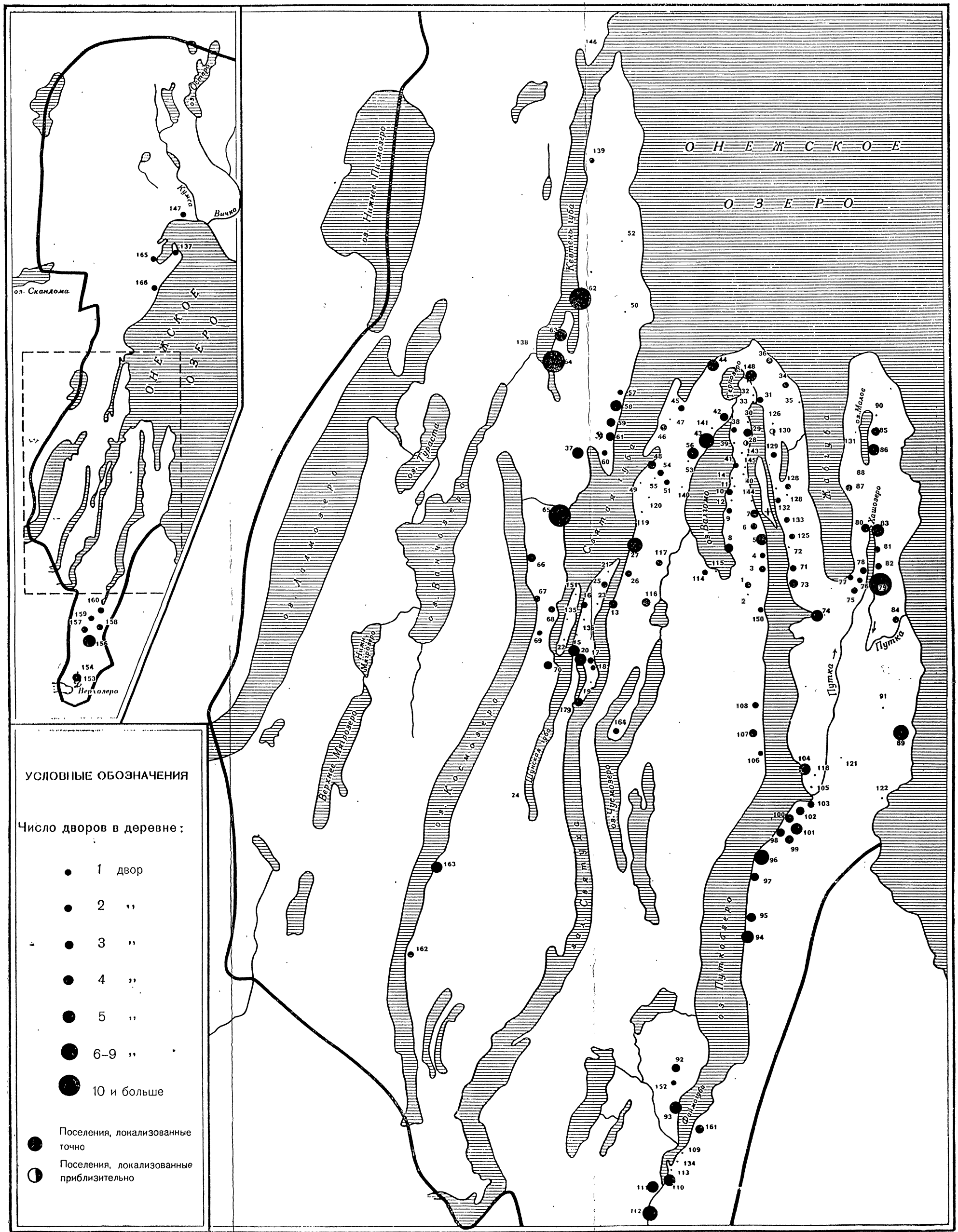
Список поселений Шунгского погоста

1. Кундусова; Кулдасово; Кулдусово; Кондусово; Кулдосово; Куздосово.
2. Деревня, что была починок старый у Кулдасова Васковский след Панфелова; починок новый у Кулдосова.
3. Деригузово; Деригузов наволок; Гин-наволок, а Деригузово тож; Гирдь наволок; Гиндь наволок; деревня за рекою Гит наволок.
4. Логовская; деревня в логу; деревня в долу Кузнецовская на Путко озере; в долу словет Кузнецовская на селги.
5. Шишкарева; Мишкалева; в Тоймове ж губе Карпов наволок Мишкарево тож; деревня в той же Хоймове губе.
6. Гоголева; у Бошенного двора на поле; деревня у Бошего двора; деревня у Болшого двора на подоле.
7. Болшой двор; деревня Болшого двора; Болшой двор Федоровский Остафьева.
8. Лазарева гора; Лазарева; деревня на Лемнаволоке; на Лемнаволоке Лазарева тож; деревня в наволоке.
9. Пятаково; деревня, что была пустошь Титовщина у лисьих норок; пустошь Титовщина у лисьих норок; деревня противу погоста за мостком.
10. Гладышево; Гладышева; Рогачево, словет Гладышева; Рогачево.
11. Пустошь, что была деревня Рогачева Ефимка Кочакова; Рогачево.

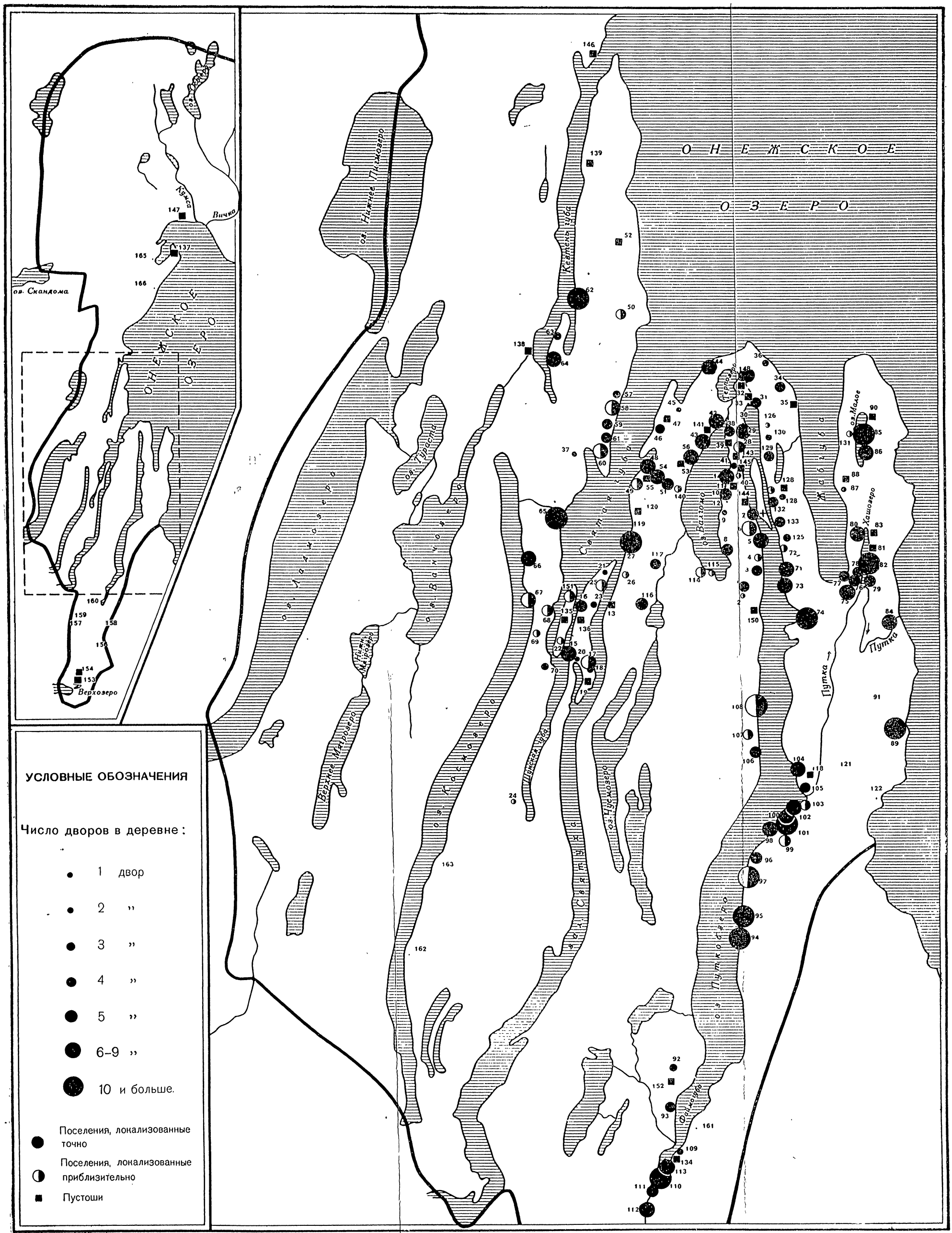
11а. Пустошь, что была починок старый Онтоновский след; Старорогачево Онтоновский след; починок у Рогачева ж.



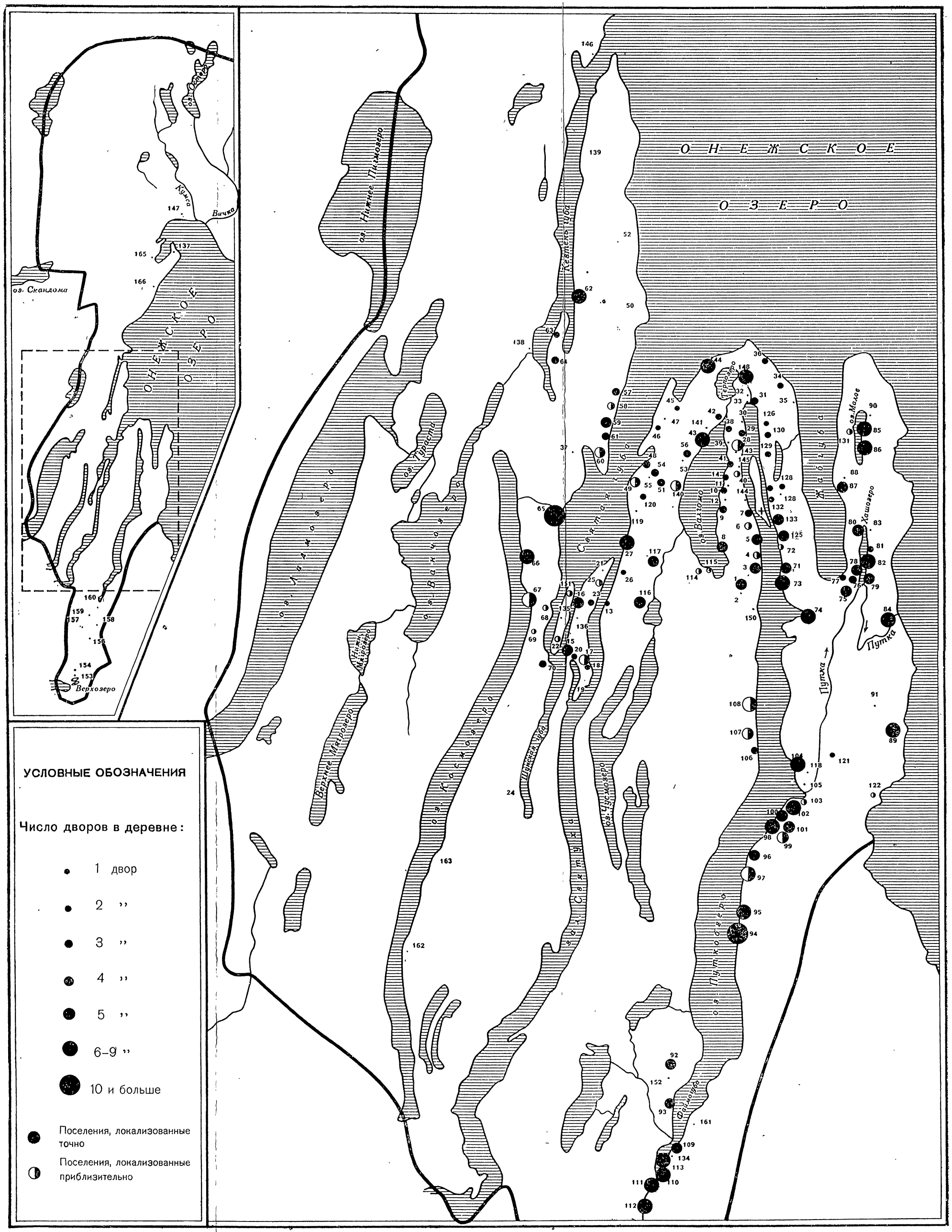
Карта поселений Шунгского погоста по описанию Матюшкина 1718 года.



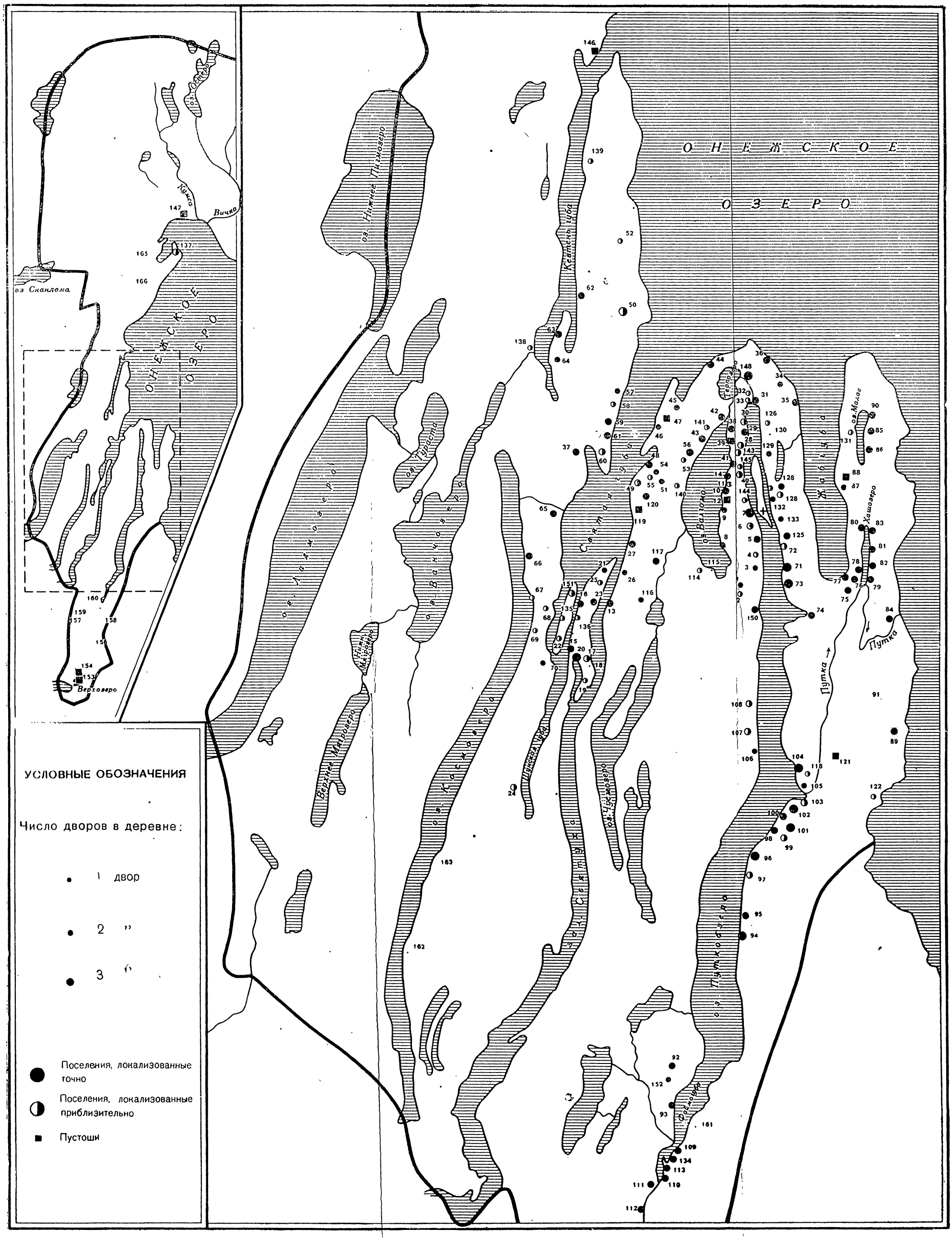
Карта поселений Шунгского погоста по ревизии 1720 года.



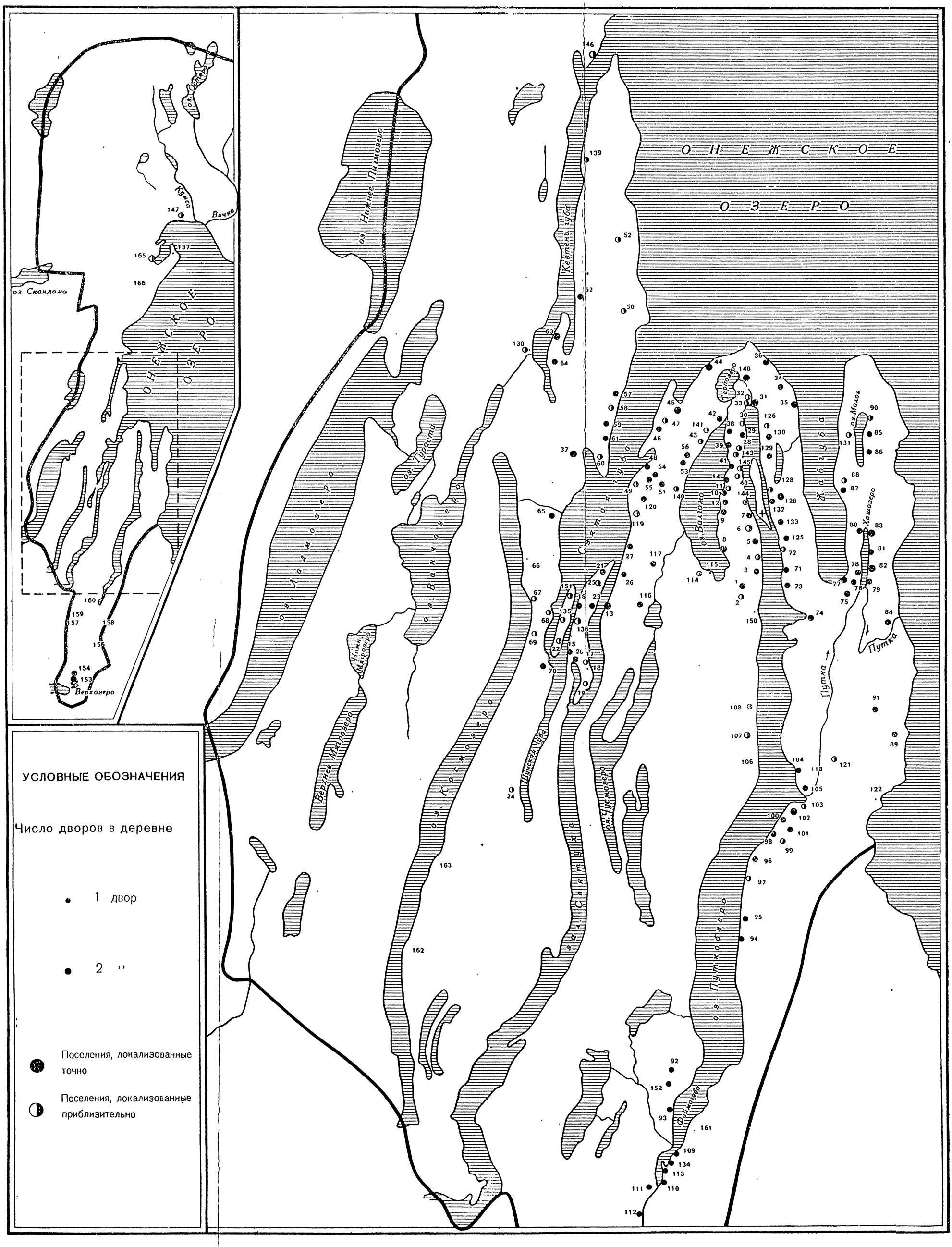
Карта поселений Шунгского погоста по писцовой книге Панина 1628 года.



Карта поселений Шунгского погоста по переписной книге Писемского 1647 года.



Карта поселений Щунгского погоста по писцовой книге Лихачева 1563 года.



Карта поселений Шунгского погоста по писцовой книге Сабурова 1496 года.

12. Деревня на Рогачеве Ескинский след; деревня на Рогачеве.
13. Курникова; Корнилово; деревня, что была пустошь Чюриково; пустошь, что была деревня Чюриково Офонасовская тож; Куриково; Курниково.
14. Горлова; Орининская Горлова; Орининская; Оринская.
15. Клешево; Клишева; Клишова; Лембетово; Лем остров; Лембитова на верх Шенге Илишева тож; Лембитова.
16. Одинцово; Одинцова; на Кошкине острову Раковская; на Кошкине острову Лорковская Раковская тоже; на Кокшине острову Лорковская; деревня на Кокшине острове.
17. Дорохова; Дороховска; Сокольничей след Давыдовская; Сокольничев след Давыдовская; Сокольнич след словет Давыдовская.
18. Акимовщина; Онисимовщина; Анисимовщина; деревня, что была пустошь Онисимка да Ондрейка.
19. Пустошь, что была деревня Шапкина; починок старый на той же губе на яме словет Шапкинская; починок на той же губе на яме.
20. Якшина; деревня у Чемясова наволока вверх Шунги а Мечев наволок тож; деревня у Чемесова наволока; пустошь, что была деревня у Чеметова наволока вверх Шунги; деревня у Чюметова наволока вверх Шунге; деревня у Чеметова наволока вверх Шунге; деревня у Четево вверх Шунги.
21. Вир наволок; Вир наволок на Святой губе; деревня в Вер наволоке.
22. Деревня на берегу реке Панфиловская на Шунском острову; на берегу на реки словет Панфиловская; деревня на берегу на реке.
23. Буйносова; на реке на берегу на яме Боносово; на берегу на яме Буйносовская; на берегу ж на яме.
24. Шунская губа; деревня Валваницы а Мининская тоже; пустошь на Шунге озерке Овчинниковская; в Валгиницах на Шунге озерке Овчинниковская; Ваглоба на Шунье озерке.
25. Рогатковщина; на Лем наволоке Краснова на Лемкове наволоке на Святой губе; на Лен наволоке Краснова Лемков наволок на стороже Дубе. На Лембой наволоке Криснoво; на Лембой наволоке.
26. Соловарова; Соловарово; на Пут берегу Соловарово; на Путь берегу Соловарова; на Пуд берегу словет Соловаровская; на Пуд берегу.
27. Фомина; на Шуньге озерке Иванка Ларионова а Фомина тож; на Шунгеозере Иванка Кирилова; на Шунге озерке.
28. Белозерова; Исвона; Нонам; Идона; Идана; Идино.

29. Якимова; Екимова; Ня, а в Нане тож; в Няпе ж; Федорова в Няпе.
30. Пустошь, что была деревня другие Няпа; деревня в Няпе ж.
31. Порожек; Порожская; деревня Порожек на речке на Порожке; деревня у Порошка.
32. Пустошь, что была деревня Отрохинская Нанновская на речке у порошка; пустошь что была деревня Огрохинская Апаковская у речки у порошка; пустошь, что была деревня Огрухинская Палковская у речки у порожка; деревня у порошка.
33. Порожек.
34. Лобская матка; Лопская матка; деревня, что была починок старый на Лопской матке; починок старой на Лопской же матке; починок на Лопской матке.
35. Пустошь; пустошь Лопская матка; пустошь что была деревня на Лопской же матке; деревня на Лопской матке.
36. Куд наволок; Куднаволоцкая; Кут наволок; в Куд наволоке на Жаб губе.
37. Никонова губа; деревня, что была пустошь в наволоке Никонова губа; деревня в наволоке ж Никонова губа; в наволоке словет в Никонове губе; в наволоке.
38. Тимохова; Тимохова на Валгомоозере; за рекою на Валгоме озерке Мелгуевская; над рекою на Валгоме озерке Мелгуевская; за рекою на Волгомозере.
39. Пустошь, что был починок на Валгоме озерке Васотковской след Ларивонова; пустошь, что был старый починок на Валгоме озерке Васюковский след Ларионова; починок на Валгом озерки поставлен после писма.
40. Кадушево; Кайбушева у Валгома озерка; Кабышево у Валгомозера; Вачюевская словет Кайдушева на горки. Вачюево Гричковская.
41. Воробьева гора; на Воробьевой горы; на нивицах Воробьева; на нивищех Воробево; Кондратовская словет Воробьево; Кондратовская.
42. Корабейникова; Матвеевская Коробейникова у речки у Ежевичи; деревня на Ежжовой речки.
43. Лахнова; Лахнова на Валгомозере; Лахновая; Вячевская Вяхново у Валгомозера; Вячевская Вахново у Валгом озера; Вачевская Лахнова у Валгомозера; у Валгомозера словет Лахановская на берегу; Волосово.
44. Реч наволок; Рець наволок; Рог наволок у Онежского озера на Кузнецове поляне; Рюг наволок у Онежсково озера на Кузнецове поляне; у Онежского озера на Кузнецове полянке словет Рюч наволок; у Онежского озера на Кузнецове поляне.

44а. Пустошь, что была дер. Горностаева.
45. Северная Юрьевичи; Юревичь на Онежской Шунской губе в Юринцах; в Юревичах Макарка Оксенова; в Верговичах.
46. Летняя Юрьевичи; другая Юрьевич; Юрьевичи; пустошь что была деревня Юревичи; в Верговичах.
47. Пустошь, что была деревня третя Юревичи; пустошь что была деревня в Юревичах же; в Верговичах.
48. Елина гора; Енина; Генина; Суземя Нутреева; Сузерье на нутри Еленина гора; Сузере на нутре Анина; Суземье словет на нутри Енина; Сузенье.
49. Глухая; Глухие; Карчеева Васильевская тож; Харгеева Васильевская тоже; новинка за мостком словет над Онегом; новинка за мостком села после писма.
50. Деревня у камня. Нагреева Фоминская; Нагриево Фоминская; Кагреево словет Фоминская; Нагреева.
51. Новоселова; у зимника Ивашки Денисова; у зимника.
52. Ступинская Гладкой бор тож; пустошь, что была деревня Каргиева Сига; Кагриева селга.
53. Пустошь, что была деревня Новинка на Корбе над Воломозером; новинка на Корбе над Валгомозером Окатовская; Новинка на Корбе словет Окатовская над Валгомозером; Новинка на Корхь.
54. Никонова гора; Никонова; Никоновская; на нивищах словет Никоново на Нутри; в Нивищах.
55. Пустошь Микитинска Тукачевска; на нивищах же на нутри; на нивищах же.
56. Клочова; Клочева; на селище Шамординская на Валгом озере Клочово тож; на селище Шомардинская над Валгом озером; на селище.
57. Скоморохова; Скоморохово; Очевченица Скоморохова тож; в Кивченицах Скоморохова; в Кевтеничах Скоморохово; на Киштове.
58. Фетково; Феткова; Ветково; в наволоке Вачеевых Микифоровская; в наволоке Вачуевых Никифоровская Федорова; в наволоке же словет Вачюевых; в наволоке.
59. Оксентьева; Аксентьево; деревня в наволоке ж Оксентьева Коробейниково; в наволоке словет Оксентьева Корабейниковых; в наволоке.
60. В наволоке; на купецком наволоке Илютина; на купецком наволоке Илютино словет Гавшино.
61. Басино; Васина; в Басине: в Ыльине наволоке в Васильевском наволоке тож; Ильин наволок.
62. Кефтеница; Кефтеницы; на Киркине губе Марковщина; на Кифтине губе Марковщина; в Кефтене ж наволоке.

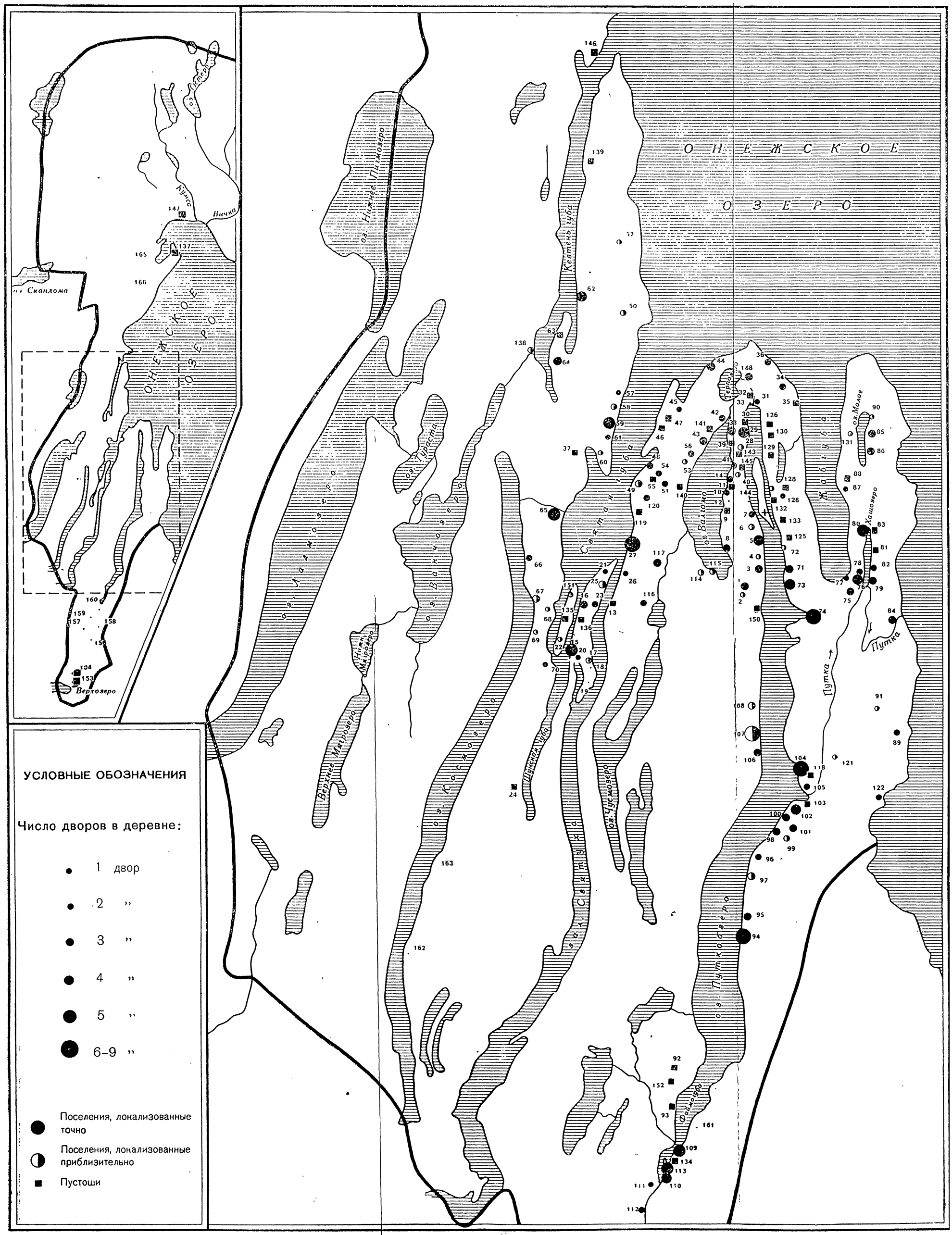
63. Часовенска Кефтеница; Часовенская; Степановская Омельянова в той же губе у часовни; на Кефтине же губе.
64. Есина Кефтеница; Есина; Есино; в Китине губе Кузнецовская; в Кевтене губе словет Кузнецовская; на Кевтене губе.
65. Кажма; Кожма; на Кажме Гришки Фролова; на Кажме Гридки Фролова.
66. Медведева; Огафоновская; деревня, что был починок Огафоновский, а Медведева тоже; починок Огафоновский.
67. Горская; Руская; Шихи в Мандеры; Хиши в мандеры; Хашне в мангаре; Хашен словет в мандере.
68. Береска; Береская; Старая у Мордвина поля; деревня, что был починок старый у Мордвина поля Тушкуева; починок старый у Шамардина поля; починок у Мамардина поля.
69. Лыковщина; Региматка в зимнем наволоке на Уме речке; у зимника.
70. Региматка; старая у Региматки Манухиновский след; деревня, что был починок старой у Региматки Манухинской след; починок после писма у Региматки.
71. Нефедово; Нефедова; Болшой двор Михайловский Берденева; Болшой двор Михайловский.
72. Деревня против погоста в наволоке.
73. Карпин наволок; Карпьнаволоцкая; Карп наволок; деревня над озерком на Тмине наволоке, а Карпин наволок тож; деревня над озерком на Тойвине наволоке.
74. Селезнева; Селерденева; на Тоймове губе Селезенево; на Токмове губе Селезенева тож, в Тоймове губе; в Хоймове губе.
75. Дергачева; Ергачево; на усть Путки реки над озерком Дергачево тож; на усть Путке над озерком.
76. Пахомово; Паломовская; Пахомова; на нивищах Пахомовское на Жаб губе; на нивищах Пахомовская Куземки да Белака Ефимовых на нивицы конец Жаб губы; на нивищах же Пахомовская Куземки да Беляйка Пахомовых на нивицы конец Ажаб губы; на нивищах же.
77. Могучева; Могучевская, а Беляевская тож; Могучево; Балавина; Белавина; Белавина а на Жаб губе тож; Белавина; на нивищах Кажак губа.
78. Ошукова; Ошуково; Селифонтьевская на Кашозере на Путке речке; Селифонтьевская на Каш озерке на Путке речке; на Каш озерки на Путке реки; на Фаш озерке на Путке речке.
79. Павликова; Павликово; на Кашозере Павлика Нестерова; на Кашозере Павелка Нестерова; на Каше же озерке Павелка Нестерова, а Гридина тож; на Хашозерке.

80. Нестерова; Нестерово; на Кашозере Илюшки Нестерова; на Каше же озерке Клиши Нестерова; на Каш же озерки на Хаш озерке.
81. Деяновщина; Деяновская; деревня, что была пустошь Деяновщина Васюковская Трофимовская тож на Кашозере; Пустошь, что была деревня на Хаш озерке; деревня на Хаш озерке.
82. Харина; Харино; деревня на Кашозере Ивановская Харина; деревня на Каше озере Ивашки Харина; на Хашозери.
83. Кузнецова; Кузнецова на Хаше озере; пустошь, что была деревня на Каш озере Лукинская Павелка Гридина; пустошь, что была деревня на Каш озерки Павлюка Гридина; пустошь, что была деревня д. на Каш же озерке Павелка Гридина; на Каш озерки; на Хаш озерке.
84. Усть верхняя Путка; на устье Путки реке; Путкой; на Путке речке; на Путке речке, а Пердуновская тоже; на Путке речке.
85. Драницына; на Ажаб наволоке Драницынская; на бору на малом озерке; на бору на малом озерке на Жаб наволоке Козлоково Драницына тож.
86. Тугаринова; на Ажеб наволоке Тугаринова; Важог наволок; на малом озерке Степанка Гаврилова; на малом же озерке Степанка Варилова; на том же озерке Степанка Варилова, а Тугаринова тоже на Жаб наволоке; на малом же озерке.
87. Поташева; Патовщина; на Жаб наволоке Кожинская; на Жаб наволоке Кожинская на Жаб губе Макаровщина тож. на Жаб наволоке.
88. Пустошь, что был починок старый на Жаб наволоке Федковский Кожина; починок старый на Жаб наволоке.
89. Пуданцов бор; Пуданцов бор при Онеге озере; Боры; на Путке на бору у Онега озера; на Путке на бору у Онега озера; на Путке на бору, а Пунанцов бор тоже; на Путке на бору.
90. Пустошь на бору Гриши Семенова; пустошь, что была деревня на бору Гриши Семенова, а Кюлначев бор тоже на бору Гриши Семенова; на бору.
91. Бор; на бору на Путке речке Ларионково да Фетково посиденье; на бору на Путке.
92. Андреевская; Буреевская; в Хамове губе Кондратка Григорьева; в Хаймове губе Кондратка Григорьева; в Хоймове губе.
93. Спировщина; Спировская; на Хоймове губе Васюка Федюева Юхново Спирково на Путко ж озере; пустошь на Хоймо ж губе Васюка Фадеева Юхнова Спиркова на Путко озере, а в ней жил Харя Спиров; на Хоймове губе.

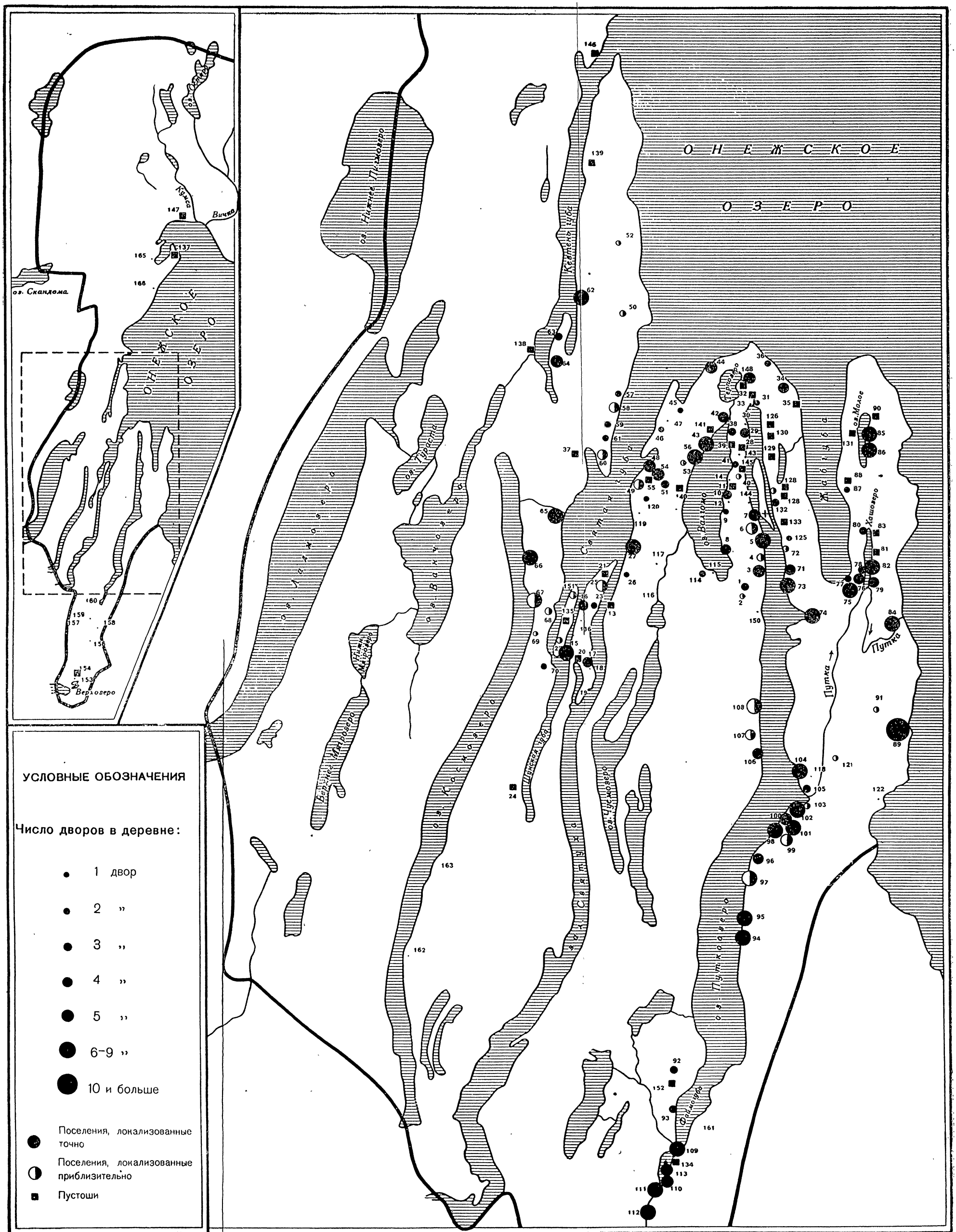
94. Онежская Часовенская; Онежская у часовни; Онежские; в той же губе в Онежанах; в той же губе Онежане.
95. Тучкова; в Онежанех на Путко озере на Сухом озере; в Онежанех на Путко озере над Сухим озерком; в Онежанех на Путко озере.
96. Коровникова; в Паницах Коробейникова; в Паницах Коровникова Лопаково тож; в Паницах Коровниково; деревня в Паницах.
97. Коровникова малае; меншая Коровникова; в Паницах Хледунова; в Паницах Хлебунова; в Паницах.
98. Филина гора; на Фоминой горы; Фомина гора; в Наваницах, а в Паницах тожь на Фомине горе; в Паницах на Фоминой горе; в Пайваницах на Фоминой горе; в Паеницах словет Фомина гора; в Паяницах.
99. Подгорская; Тайниская Туроносова; Такинская Туроносова; Таквинская Туроносова; Таинское.
100. Береска; Береская; в Паницах же на берегу Федки Лаврентьева; в Паницах же на берегу Фетки Лаврентьева, и Туроносовская тож; в Паницах на берегу.
101. Ионина гора; на Иониной горы; Ионино; в Паницах на Кирсине горе; в Паницах на берегу на Кирсине горе; в Паницах Киркина гора Ионина гора тож; в Паеницах Керкина на горы; в Паницах.
102. Перхина; Перлина; Перхино; Ходиринское, а Перхино тож у речки у Путки; Ходирилское Перхино у речки у Путки; Ходирилское словет Перхино; Ходрилское.
103. Антова; Антонова на Путке реке; Антонова; на Путке Онтуфевская; на Путке Олтуфевская; Онтуфева на Путке речке; Онтуева на Путке; на берегу на Путке словет Онтуево; на берегу на Путко.
104. Ботова; Батова; Стогуево Батуево тож на Путко озере; Стогова Батуева на Путко озере; Стогово словет Батоево.
105. Усть речки Путка; Пудка; на нивицах в Паницах Ларионовская на усть Путки речки; Наницы Ларионка Путкина на усть Путки речки: Пайницы Ларионка Путкина на усть Путки речки; на Иницы словет на усть Путке; Кайбинцы.
106. Сайпелда; Сапелда; в Сялыпелды; в Савыпелды; что была поч. в Савыпелды; починок Савы пелды на берегу.
107. Шаболина; Шабалина; Шобелная; Василевская Никонова на Путко озере; Василевская Никонова; Кузнецово.
108. Щепина; Шепина; на Путко в Заозере; на Путко в Заречье; на Путке ж.
109. Керзянска; Кирзина на Путко озере; Кирзина; на Хоймо губе Кярзина; на Хоймове губе словет Кярзино; на Хоймове губе.

110. Патрова; Патрова на Фоймогубе; Патрово; в Хоймогубе Овдокимовская Патрова тож; в Тоймо губе Овдокимовская Патрова тож; в той же Тойме губе Овдокимовская; в той же губе словет Овдокимова; в той же губе.
111. Митина Холмская; Митина; на Хоймове ж Михалка Ортемова Овдокимовская Микитина тож; на Хойме же губе Михалки Ортемьева; на Хоймо же губе Михалка Ортемова; на Хоймове ж губе.
112. Харлово; Харлова над губою Путко озера; в той же Хоймове губе Лопаково Харлово тож; в той же на Хойме губе Лопаково тож; в той же на Хоймове губе.
113. Афониногубская выставка; выставка церковь и деревня Исаевская Федоровская тож; деревня Исаевская Федоровская тож; Исаевская в той же губе словет Федорова; в той же губе Исаевское.
114. Куб губа; на Куз губе а Ван губа тож; Кум губа; на Он губе, а Кан губа тож; что была починок старой на Вин губе; починок старой на Куч губе; починок на Куч-губе, села после писма.
115. Макаровщина на Вам губе; Макаровщина на озере на Валгуме.
116. Цылополе; Цылополе обозеро; Цыливоле; Целополе Савки Тимофеева кузнеца; Целополе; Цилополе.
117. Красная гора; на Кресной горе в Шунском погосте; Красная гора; Крестьная гора.
118. Пустошь, что была деревня Нивища Батыева; починок на нивище у Батоева поля.
119. Пустошь, что была деревня в Павлове наволоке; деревня на Павлове наволока; на Палуе.
120. Село Барково; деревня Барково Павлов наволок тоже на Онежской губе на Святухе; на Павлове наволоке; на Павлове.
121. Деревня на Путке речке Филипковых посиденье, да Васюкова Ивановых детей Конкова; на Путке речке.
122. Против поля острова через Салму на речном острову.
123. Деревня, что была пустошь на Паш острову; деревня на Паж острове.
124. Бураковская проти погосту Цечелинская Иларионовска тож; Бораковская против погоста Филипповщина тож; на Холопье стороне у Большого двора.
125. Ютева гора; Гутева гора; Юхтеева горка на Путко озере; противу погоста.
126. Деревня, что была пустошь Ведерниковщина; пустошь Ведерниковщина; на Холопье стороне у Большого двора.

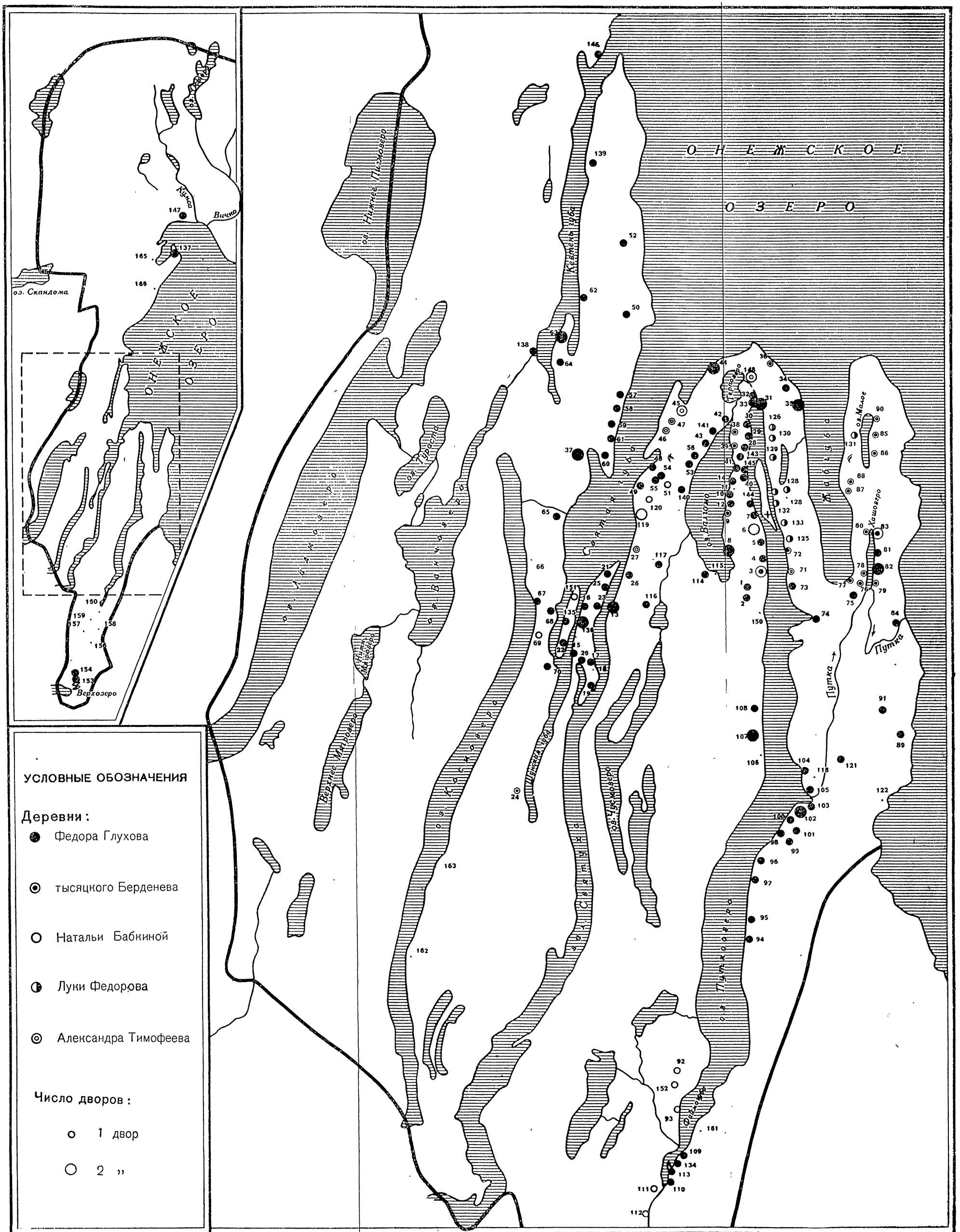
127. Ольховщина; Валеховсино; Плеховщина на Путко озере; на Холопье стороне у Большого двора.
128. Загорье; Дурневская Загорье об озерко малое; Дыловсина; Дубневская Загорье Будилово тож; Дубневская а Загорье Будилова тож; Билдиншина; на Холопье стороне в конце наволока.
129. Акатовщина; Окатовщина; Васкатовщина; Окатовщина а Кузнецовская тож; на Холопье стороне у Большого двора.
130. Зехнова губа; Зехновщина.
131. У малого озерка Доудыловская а Давыдовская тож; у малого озерка.
132. Устье; Лукинская; Усадище; Лукинская Усадище Горюшкина; Большой двор Лукинской.
133. Филипова горка; Филипова Давыдовская тож; деревня противу погоста.
134. Пустошь Ивкуева Микулинская Исакова в Хоймо губе; деревня в губе словет Ивкуева.
135. Пустошь, что была деревня Онашкинская; починок на Шунском острову.
136. Пустошь, что была деревня на Гирском острову Поршнево тож; на Кокшинском острову словет Поршневская.
137. Виг наволок; на Виге наволоке; пустошь, что была деревня на Виж матке.
138. Пустошь, что была деревня Медвежья голова за мостом в Кефтене губе за мостом Медвежья голова.
139. Шунской наволок; пустошь, что была деревня на Кифтене наволоке.
140. Торицына; новинка в Долгом озере Левашовская Окатовщина тож; Новинка.
141. Пустошь, что была деревня Ихновская, а Житковская тож; на Самбине словет Житковщина.
142. Пустошь Ефимковщина на Кочакове горе.
143. Пустошь, что была деревня Сипуево Бурмишкина; Сипуево.
144. Пустошь Усовская у мосту; Заполье, словет Усовская у мосту, Заполье.
145. Пустошь Рудная; Рудное, Рудье.
146. Сосновый наволок; пустошь, что была деревня на Коцыне ж губе Федки Патракеева.
147. За Онегом Кумсогубская; Кумсино; на Онежском озере в Кумсе губе.
148. Телпозеро; Терпозеро; на перевозе Никоновская; на Терпозере Шестниковская.
149. Пустошь, что был починок старый на Терпозере; починок на Терп озерки.



Карта поселений Шунгского погоста по писцовой книге Плещеева 1583 года.



Карта поселений Шунгского погоста по дозорной книге Лыкова 1620 года.



Вотчины новгородских бояр в Шунгском погосте по письму 1496 года.

150. Звяговщина; пустошь Иванокова Звягина.
151. Овчинникова, а Толстикова тож на острову на Шунге; на Шунском острову.
152. Ковшозерская; Пековская; пустошь, что была деревня на Хоймове губе Ушака Пекуева.
153. Поле; деревня на Верхнем озере Полевская; деревня на Верхнем озере.
154. Холм; пустошь Дорофеевская.
155. Щели; пустошь Захаринская; пустошь Харинская; деревня на Верхнем озери.
156. Великая нива; великая нива.
157. Кераки; Керацкая; Керака.
158. Палтяга; Палтово.
159. Якорледина; Якорлядине.
160. Шелти; Шилтя о верхнюю реку; Шилтя.
161. Сивирновская; Сиверная у Путкоозера; Северная.
162. Уская; в Уских; Уская.
163. Мисаиловщина; Сайловчина.
164. Ют наволок; на Ют наволоке на Кожмоозере.
165. Пергуба; в Пергубы у Онегаозера.
166. Лопской песок; Лопского песка.
168. Пречистая.
169. Новая нива.
170. Баева; Баева наволока; в Баеве наволоке.

Основная задача, которую поставил перед собой автор настоящей статьи, заключается в показе техники проделанной работы по составлению карт поселений XV—XVII вв.

Вывод, вытекающий из рассмотрения техники работы, таков: писцовые и переписные книги представляют полную возможность для восстановления исторической карты по всем районам, по которым сохранились эти документы. Особенно важно восстановление поселений по тем местностям, по которым имеется ряд описаний, хронологически следующих один за другим за два-три столетия. Составленные карты будут новым, своеобразным и, надеемся, ценным научным источником.

Поставив себе задачу рассмотреть в рамках предлагаемой статьи лишь технику составления исторических карт, я не могу дать детального анализа полученных данных.

* * *

Хочется, однако, вкратце обратить внимание на те возможности, которые открывают исследователям различных специальностей составленные таким образом исторические карты. Остановлюсь лишь на нескольких сторонах дела.

Самой первой особенностью, которая бросается в глаза при рассмотрении карт Шунгского погоста, является низкая населенность. Плотность населения в тех местах и сейчас невелика по сравнению с плотностью центральных и южных районов Европейской части страны; в средние века она была еще ниже.

Шунгский погост не представлял собою исключения в Заонежье. Общее количество деревень всего Заонежья также весьма невелико по отношению к этой довольно значительной территории. По писцовой книге Андрея Лихачева 1563 г., в Заонежье числилось 2937 деревень; по письму Андрея Плещеева 1583 г. — 2138; по переписной И. Писемского и Л. Сумина 1646—1647 гг. — 2013 деревень.

Однако территория Шунгского погоста заселена очень неравномерно. Как и в других местностях Севера, почти везде участки годной для обработки земли разбросаны небольшими островками среди лесов и болот. Это обстоятельство ставило предел величине отдельных поселений и вынуждало жителей «садиться врозни». Такой характер расселения на местности можно назвать оазисным.

Разбросанность населения, заметная на составленных картах, отмечается также и в документах: «...а жили промеж мхи и болоты, от иных погостов и волостей удалели...», — жалуются крестьяне одной из выставок Шунгского погоста[1].

Отличительной чертой размещения поселений на севере является их тяготение к побережьям озер, заливов, рек. На наших картах видно, что большая часть водоразделов лишена жилья, а основная масса населения жмется к воде. Особенно удобными для заселения оказались берега заливов Онежского озера.

Писцы, а стало быть, и сами крестьяне иногда называют эти длинные и узкие заливы реками. Это одно из косвенных указаний на пришлый, славянский элемент в составе населения Заонежского полуострова. Только переселенцы, двигавшиеся по большим рекам, могли назвать так заливы озера.

Берем древнейшую карту 1496 г., составленную по писцовой книге Сабурова. Подавляющая масса селений расположена в цен-

---

[1] Сборник «Карелия» в XVII в., № 92, 1660, стр. 138—141.

Об этом же говорит сообщение «сыщика» Золотарева, путешествовавшего по Заонежью и писавшего об особенностях расселения и о своих дорожных трудностях: «врознь погост от погоста верст на 50 и по 100, а иные выставки и больше... А в иных, государь, местах и на лошади, и судном проезду нет; и я в таких местах пеш волочусь» (М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909, стр. 35).

тральной части погоста; в северо-западной части погоста всего два поселения, в юго-восточной — три. Пустует и вся юго-западная часть. Таким образом, заселена лишь незначительная площадь всей территории погоста, но эта часть заселена достаточно плотно. Большинство поселений вытянулись вдоль берегов Путкоозера, Валгомоозера и Святой губы Онежского озера. Другие озера и заливы заселены реже. Таким образом, господствует прибрежный тип заселения. Некоторое, весьма незначительное число поселений расположено на водоразделах. Водораздельный тип представлен не больше чем шестью поселениями (составляя, следовательно, 3—4% всего количества поселений). На прибрежный речной тип приходится примерно пятнадцать поселений. Остальные поселения принадлежат к прибрежному озерному типу заселения, причем характерно, что на берегах большого Онежского озера в пределах территории Шунгского погоста расположено не больше десяти поселений; заселены главным образом побережья заливов и малых озер.

Сравнивая древнейшую карту конца XV в. с последующими, в том числе и с картами начала XVIII в., убеждаемся, что никаких существенных изменений в типе заселения Шунгского погоста не происходит, может быть, только еще больше сокращается заселение побережья больших озер, но несколько увеличивается заселение побережья рек за счет освоения берегов небольшой речки, впадающей с юго-востока в Фоймогубу. Больше того, судя по карте Генерального межевания (1788 г.), по Шунгскому погосту типы заселения в основном не меняются и к этому времени.

А это заключение позволяет без большого риска привлечь для характеристики типов заселения других районов Заонежья, по которым не составлены карты XV—XVII вв., соответствующие карты Генерального межевания. Рассмотрение карт Генерального межевания по другим погостам Заонежья убеждает в повсеместном преобладании прибрежного типа заселения. В южном и юго-восточном Заонежье преобладают прибрежные речные поселения, которые расположены по берегам рек Вытегры, Андомы, Ошты и др.

Некоторые изменения в типах заселения возникают в XVIII—XIX столетиях; списки населенных мест 1868 и 1879 гг., наряду с поселениями на озерах и реках, упоминают деревни «при колодцах».

Беглые замечания путешественников и исследователей, а также изучение современных карт показывают господство прибрежного типа заселения и в настоящее время.

Можно указать несколько причин, почему именно берега рек и озер обрастали поселениями.

Во-первых, это были экономические нервы области — единственные удобные дороги при почти полном отсутствии тележных дорог. По этим речным дорогам новгородцы проникали в Поморье и расселялись далеко на северо-восток, лишь в случае необходимости переходя через водоразделы.

Во-вторых, реки и озера были источником рыбных промыслов, а чем дальше на север, тем все увеличивалась роль промыслов за счет невозможного тогда на крайнем севере земледелия.

Открытые берега больших озер были менее удобны для промыслов, кроме того, там мешали ветры. «...Да летом же, государь, бывает на Онеге озере ветры держат..., да не токмо, государь, на озере Онеге, и на малом озерке, приехав к берегу деревни видел, а в судне малом переехать немочно, ветры ж держат» [1].

В связи с этим по открытым побережьям больших озер было расположено мало селений. Наоборот, поселения, расположенные в устьях рек, на перевозах и т. д., росли быстро. См., например, на картах рост деревень на Фоймогубе, деревни при впадении р. Путки в Хашозеро, при выходе той же реки из Путкоозера, некоторых деревень в устье Святой губы и т. д.

В-третьих, большинство удобных для обработки земель на севере расположены по берегам узкой лентой, причем иногда через 100—200 м от реки уже начинается «сузем». «Сузем», или «суземье», — водораздел — был часто покрыт болотами или труднопроходимым лесом.

Таковы экономические причины, обусловившие столь характерный для Поморья тип заселения местности; последняя из указанных причина обычно недоучитывается. Не следует забывать, что русские пришли в Поморье, будучи развитыми землепашцами, и хорошая почва для пашни должна была оказаться решающим мотивом при устройстве жилья.

Земледелие по всему Поморью находилось в трудных условиях в связи с плохой почвой, ранними неожиданными морозами, туманами, разливами рек, смывавшими пахотные земли, и т. д. Это не раз отмечалось в литературе [2]. Описывались титанические трудности, связанные с расчисткой из-под леса новых нив и первоначальной их обработкой [3]. Нет нужды повторять это.

И все же, несмотря на все трудности, связанные с земледе-

---

[1] Пр. Д. 1649, № 29. М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., ч. I, М., 1909, стр. 35.

[2] А. Я. Ефименко. Крестьянское земледелие на Крайнем Севере. Исследования народной жизни. М., 1895, стр. 199—201. М. М. Богословский. Указ. соч., стр. 166 и сл.

[3] С. Приклонский. Народная жизнь на Севере, стр. 106—107.

лием, население держалось за него. Иначе и не могло быть в условиях натурального хозяйства и слабого развития производительных сил; поэтому не только река, но и состав почвы определяли тип заселения.

Я уже говорил, что Шунгский погост был заселен довольно густо в средней части. Это не может быть объяснено только рыбными угодьями и удобством сообщения по длинным заливам, так как такие же заливы имеются неподалеку, но они совсем не заселены. Причину плотности заселения центральной части Шунгского погоста, очевидно, следует искать в особенностях почвы. Действительно, район Шуньги отличается плодородием почв, которое зависит от выходов на поверхность земли особого минерала, близкого ископаемому углю, — так называемого шунгита, а также шунгитовых сланцев. Кроме присутствия в почве шунгита и шунгитовых сланцев, почвы рассматриваемой области ничем не отличаются от почв окружающих областей, а урожайность на них выше[1]. Почва Шуньги черного цвета, и местные жители называют ее «черноземом». Основное месторождение шунгита, по которому этот минерал и получил свое название, самое богатое. Оно расположено на перешейке между Путкоозером и Валгомоозером, который покрыт невысокими холмами, вытянувшимися в том же направлении, что и озера.

Месторождения шунгитовых сланцев имеются и в других районах Заонежья — на Кар наволоке, близ села Толвуи, около деревень Цилополь, Царево, Вотвицино, на берегу губы Святухи у Габострова, у дер. Фоймогуба, Ковдозеро, Кижозеро, на Кижском архипелаге, в районах Путкоозера, Великой губы, Космоозера, Калиручья[2].

Следовательно, все три расположенные на Заонежском полуострове погоста (Шунгский, Толвуйский, Кижский) — три средоточия поселений — расположены вблизи шунгитовых месторождений. Побережья Путкоозера, Фоймогубы, Святухи, Великой губы также плотно заселены. Очевидно, поселения Севера следуют не только речным долинам, но и, если можно так выразиться, выходам на поверхность шунгита, т. е. расположены в наиболее плодородных местах. Поэтому при объяснении особенности типов заселения на Севере нельзя ограничиваться указаниями только на многообразную роль реки.

Несколько слов о прибрежном типе заселения, как о стадии. Вряд ли может вызывать сомнение, что этот тип является древ-

[1] М. А. Тойкка и А. П. Кекконен. Шунгит как местное удобрение. Ученые записки Карело-Финского гос. университета, т. I. Петрозаводск, 1947, стр. 218.

[2] Там же, Указ. соч., стр. 223.

нейшим и для всей лесной полосы. Он господствует на русском Севере вплоть до настоящего времени. Водораздельный тип возникает только в редких случаях, и притом в местах старого освоения, где степень заселенности территории выше; в малозаселенных местностях водораздельный тип обычно отсутствует (ср. в Шунгском погосте густонаселенную часть и малонаселенную).

Характерно изменение типа заселения в Новгородской области. В XV—XVII вв. там был распространен прибрежный речной тип заселения, сходный с типом заселения Поморья. А. М. Андрияшев отмечает на территории Шелонской пятины в XV—XVII в. тип заселения, «... состоящий из мелких поселков, расположенных по течению рек, местность же между этими реками остается совершенно пустынной» [1]. В начале XX в. водораздел в этой местности был в значительной степени вырублен и заселен. Во всяком случае В. Семенов Тян-Шанский отмечает там господство водораздельного типа заселения [2]. Таким образом, особенности поселений Севера XV—XVII вв., возможно, отражают обстановку других областей еще более раннего времени.

Остановившись несколько подробнее на историко-географической стороне изучения поселений, восстановленных по данным писцовых и переписных книг, — на других проблемах я остановлюсь совсем кратко.

Анализ расположения на местности деревень Шунгского погоста обнаруживает еще одну интересную особенность: поселения часто образуют «гнезда» по нескольку деревень. На наших картах можно увидеть несколько таких гнезд. Интересно, что некоторые из них носят общее собирательное название с патронимическим окончанием: Верговичи, Паницы, Онежане. Подробное изучение населения такого гнезда по писцовым книгам и сопоставление полученного материала с некоторыми древними актами, в частности с данной шунжан Вяжицкому монастырю середины XV в., позволили нам установить родственный, патронимический состав гнезда поселений [3]. Сложились эти гнезда поселений, повидимому, при распадении большесемейных «печищ» в процессе заселения территории.

С другой стороны, составленные карты показывают, что и весь Шунгский погост составляет своеобразное большое гнездо поселений, четко отграниченное от территории соседних погостов.

---

[1] А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли, М., 1914, стр. XLIII.

[2] В. П. Семенов Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России, стр. 13.

[3] Подробнее об этом см. нашу статью «Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение». «Советская этнография», № 2, 1955.

Карты дают возможность наглядно представить себе территорию погоста округа, его размеры, характер границ между соседними погостами, что, в свою очередь, дает материал для изучения социальной сущности погостов. На картах можно проследить процесс образования внутри территории погоста «выставок» (можно заметить, например, как группа южных деревень образует Фоймогубскую выставку), которые при благоприятных экономических условиях с течением времени превращаются в новые погосты.

Составленные нами карты дают также материал для изучения социально-экономической жизни северной деревни XV—XVII вв. Не имея возможности в рамках настоящей статьи дать хоть сколько-нибудь серьезный анализ этой стороны дела, я укажу лишь на некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении карт.

Не трудно заметить два обстоятельства: общее число населенных мест за время с конца XV до конца XVII вв., т. е. за два столетия, не меняется сколько-нибудь значительно — число деревень в погосте иногда несколько увеличивается, иногда немного сокращается, что̀, очевидно, стоит в связи с целым рядом экономических условий, а также с внешними политическими событиями. Более или менее постоянная цифра количества деревень в погосте говорит, очевидно, о том, что к моменту составления первых известных нам писцовых книг процесс заселения территории Шунгского погоста в основном уже закончился, что̀ представляет интерес для изучения истории колонизации Севера. С другой стороны, число дворов в деревне почти неуклонно возрастает: достаточно сравнить наиболее древнюю и самую позднюю из приложенных карт.

Вот средние цифры количества дворов на одну деревню в Шунгском погосте. Старое письмо — 1,07; 1496 г. — 1,13; 1563 г. — 1,66; 1583 г. — 2,41; 1628 г. (только по Фоймогубской волости) — 5,75; 1547 г. — 3,96; 1678 г. (только по Фоймогубской волости) — 8,40.

Приведенные цифры и сами карты говорят о первоначальной однодворности заонежской деревни и о постепенном увеличении в ней числа дворов, причем писцовые и переписные книги отображают первые этапы этого процесса. Можно указать здесь на связь процесса постепенного укрупнения деревень не только с естественным ростом населения, но и с двумя стадиями социальной организации и двумя формами землевладения северной деревни — переходом от семейной общины к так называемому долевому землевладению. Рассмотрению этого процесса мы рассчитываем посвятить особую статью.

И, наконец, последнее обстоятельство, которое удается установить с помощью составленных карт: что̀ представляли собой в территориальном отношении новгородские боярщины на Севере. Авторы древнейших сохранившихся описаний 1496 и 1563 гг. перечисляют деревни по боярщинам, что дает возможность нанести на карту владения различных новгородских бояр. Выясняется, что боярщины Заонежья не представляли собой замкнутых ограниченных территорий, напротив, были разбросаны среди других владений, так что деревни одного боярина оказываются в различных частях погоста. Это ясно говорит о сравнительно позднем и «искусственном» происхождении боярщин. Карта является наглядным свидетельством того, как феодалы по кускам отхватывали общинную землю. Объектом владения является не территория, а деревни, т. е. совокупность возделанной земли, строений и прав на использование угодий. Поэтому никаких четких границ и не может быть. Владения одного боярина разбросаны по разным частям погоста самым причудливым образом.

* * *

Проделанный нами опыт составления карт поселений Шунгского погоста XV—XVII вв. приводит нас к заключению о целесообразности массового картографирования данных писцовых и переписных книг. Результаты такой работы могут представить интерес для различных научных дисциплин: истории, этнографии и географии.